

Ю. И. Дюжев

**Главы из монографии
«НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ
КАРЕЛИИ
ЯАККО РУГОЕВ»**

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

*Я. Ругоев: «Карелия в моем представлении.
Традиции. Была своя культура жизни, бытия.
Понятие слова, трудолюбие, обязательность.
Стойкость. Честность. Не было обмана и
воровства. Трезвость, законы взаимовыручки,
коллективной ответственности. Иначе не
могла бы развиваться и сохраниться
народная поэзия, руны Калевалы».*

(НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 831. С. 30)

Название родного Я. Ругоеву села Суоярви переводится на русский язык как Болотное озеро. И хотя одним своим концом озеро упиралось в болото, ничто не могло угасить в глазах мальчугана красоту его вод, песчаных и каменистых берегов, на которых возвышались исполинские сосны. Единственным путем, связывавшим деревню с внешним миром, был водный путь – летом и санная дорога – зимой.

В хранящемся в Национальном архиве Республики Карелия «Списке населенных мест (по материалам переписи населения 1933 года)» указано, что на территории Костомукшского сельского совета (куда входили Ахвенъярви, Кентозеро, Костомукша, Суоярви) проживали 569 карел, 6 финнов и 4 русских, в том числе в деревне Суоярви – 46 карел (мужчин – 21 и женщин – 25).

В интервью финскому академику П. Виртаранта Я. Ругоев подробно рассказал о своих костомукшских корнях. По линии отца он происходил из рода Ругоевых, или Руханенов (возможно Рюхяненов), по материнской линии связан с Пекшуевыми, или Пёкшунеными. «Предки обоих родов, – отмечал П. Виртаранта, – согласно преданию пришли из Саво (область в южной части Финляндии, западнее северного Приладожья). Оттуда же, из Саво, пришел сюда предок третьего великого костомукшского рода – рода Ватаненов. Однако первыми насельниками края, по смутным, правда, преданиям, были лопари. Уже само название «Костомукша» («Костамус» или «Костомус», как именуют прежнее селение его бывшие жители) происходит из саамского языка»¹.

Историю родословной в беседе с П. Виртаранта Я. Ругоев начинает со своего деда Тимо, который в конце XIX века переселился со своей семьей из Костомукши на берег озера Суо-

¹ Виртаранта П. Патриот Костомукши // Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 170–194.

ярви и построил дом на безымянном полуострове. Потом этот полуостров стали называть Тимонниemi, по имени первого обитателя. Дед Тимо был женат на Окахвие из Бабьей Губы. Сыновья Тимо Ругоева (Аким, Николай, Васселей (отец Яакко Ругоева), Макарий) обзавелись семьями и построили свои дома там же, на Тимонниemi. Мать Яакко Ругоева, Окахвие, по документам родилась в 1897 году. Её родителями были Ортъе, сын Микиты Пекшуева из Суоярви, и Ели, дочь Симаны Иевлева из деревни Алаярви.

Читать Я. Ругоев научился ещё до поступления в школу и, по его словам, «очень оригинально»:

«Вихри гражданской войны занесли в нашу деревеньку много книг на финском языке. Среди этой разношерстной литературы был и Новый Завет для детей, написанный готическими буквами. Не помню, от кого и как я освоил эти буквы, но хорошо помню те коротенькие сказки, которые тогда воспринимались как некое приключенческое повествование.

Потом забредший в нашу деревеньку и осевший по поводу женитьбы финский красногвардеец Урхо Ярвисало организовал первую школу для великовозрастных юношей и девушек, оставшихся неграмотными, так как местная русская школа была закрыта в самом начале гражданской войны. Уроки проходили часто в нашем доме, я стал «сверхштатным» слушателем и жадно осваивал новый алфавит, который наш молодой учитель чертил углем на гладкой поверхности снятой со своих петель двери сарая.

Учебников было всего несколько. Мне же не досталось. Несколько учеников сидели рядом за одной книгой, а я пристраивался к столу обычно с противоположной стороны. Таким образом, я научился читать книгу вверх ногами и справа налево. Причем эта привычка закрепилась надолго, до первых лет учебы в школе. Когда в деревню начали поступать газеты, то в некоторых домах стали оклеивать закопченные за годы войны (не было керосина, жили при лучинах) стены. И почему-то большинство газет располагалось на стенах «наоборот». В республиканской газете «Punainen Karjala» в течение лета и осени 1929 года был напечатан (в переводе на финский язык) роман Д. Фурманова «Чапаев». Этот роман я прочел со стен в доме своего дяди Макара в основном в «перевернутом виде». Стоило больших усилий, чтобы привыкнуть читать нормально.

С тех пор, как я помню себя, с тех пор я жил в мире сказок. Зимними вечерами их рассказывали дома или в соседних домах, рассказывали в школьном интернате, в лесных избушках, во время рыбалки, охоты и сенокоса, в зимней дороге на возу, летом в лодке. Песни, пословицы, поговорки, загадки в ежедневной и бытовой речи людей были настолько обычным явлением, что их просто даже не замечали.

На моей родине почти все мужчины были «мастера на все руки». Мой отец тоже любил столярничать. Проходя по лесу, он примечал, из какого дерева можно получить заготовку

для того или иного изделия. Эту заготовку он приносил домой, ставил сперва под стреху, чтобы воздух и ветер высосали из дерева не спеша лишнюю воду и придавали древесине выносливость. Потом заготовка тщательно сушилась уже в избе, сперва на перекладинах, а потом уже на теплой печи. И если заготовка выдерживала все эти фазы сушки, её пускали в дело. Но стоило появиться трещине или косовине, её безжалостно превращали в щепки для растопки»².

С восьми лет Я. Ругоев вел жизнь обыкновенного крестьянского паренька: трудился с родителями в поле, на сенокосе, рыбачил на лесных озерах, приучался к охоте. По его воспоминаниям, тогдашняя Костомукшская округа отличалась высоким состоянием народной морали, соблюдением тех элементарных нравственных норм, которые необходимы для человеческого самоуважения и достоинства: «Например, пьянства северокарельская деревня тогда практически не знала. Действовали неписанные законы человеческой взаимопомощи и взаимовыручки, многие работы выполнялись сообща, при соседской беде бросали свои дела и спешили на помощь, – даже в поисках заплутавшейся в лесу коровы. У каждой деревни был свой праздник, на который из окружающих деревень, подчас очень дальних, приезжали гости. Устраивались игры и пляски, свадьбы и угощения. Потом поочередно съезжались в других деревнях. В моей памяти эти трудные годы запечатлелись не только своей суровостью, но и как счастливая пора свободного труда и светлых надежд народа»³.

Я. Ругоев застал то время, когда карельское крестьянство сохраняло свои древние верования, образы и обычаи, которые продолжали регламентировать семейный и общественный быт, хозяйственную и промысловую деятельность народа.

В предисловии к изданию карельских народных сказок в издательстве «Детская литература», написанному 15 сентября 1959 года⁴, Я. Ругоев стремился опровергнуть бытующее представление о Карелии как о суровом крае с мрачными лесами, болотами да скалами, где даже солнце очень редко греет человека своим теплом. «На самом деле, – писал Я. Ругоев, – Карелия – это изумительно красивая страна вечнозеленых хвойных лесов, тысяч синих озер и рек, мощных водопадов, страна трудолюбивых, смелых и честных людей – лесорубов, сплавщиков, земледельцев, рыбаков и охотников. В лесах Карелии обитает бессчетное количество разнообразной дичи, много лосей, оленей и ценного пушного зверя; здешние воды богаты прекрасной рыбой, а недра земли содержат замечательные полезные ископаемые, хорошие строительные камни – гранит и мрамор. Карелия известна как родина народного эпоса «Калевала». В долгие осенние вечера в рыбацкой избушке или зимой, дома, когда вся семья и даже соседи собирались рукодельничать у камелька, мудрые старики пели песни о кузнеце

² Ругоев Я. Материалы для биографии // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 683. Л. 33–34, 40.

³ Корни писательского творчества (диалог Э. Г. Карху и Я. В. Ругоева) // Север. 1978. № 4. С. 123–124.

⁴ НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 463. Л. 8–15.

Илмаринене, который выковал чудо-мельницу Сампо, молотившую людям муку, соль и деньги. В сказках рассказывалось о волшебных приключениях, которые люди совершали в поисках лучшей жизни. В них простой мужик был наделен умом, отвагой, находчивостью».

Хотя православная церковь старалась внедрить в сознание карельского народа свет христианского учения, в послереволюционной карельской деревне сохранялся традиционный комплекс языческих верований, которые «являлись органической частью народного мировоззрения, сложившегося на основе накопленного предшествующими поколениями трудового и социального опыта»⁵. Так, у каждого человека существовал свой личный дух – покровитель; своих хозяев имели домашний очаг, хлев, баня, не говоря уже о земле, лесе, воде, скалах и других при родных объектах. Широко бытовала вера в существование неразрывных связей между живыми и умершими родственниками, обычай систематических «контактов» с покойным (посещение захоронений, приношения, «беседы» и т. д.). Разнообразной оставалась магия от злых духов, от порчи, от бед и болезней. Из-за отсутствия врачей карелы охотно обращались к знахарям-колдунам, которые пользовались средствами народной медицины и сопровождали лечение магическими действиями (заговорами и т. п.).

В воспитавшей Я. Ругоева крестьянской среде сохранялось уважение к героическим песням, созданным их предками сотни лет назад и повествующим о подвигах древних карельских племен. Правдивое отображение реальной жизни сплеталось в них с фантастическими представлениями и мифическими верованиями. Исполнители рун приносили в них своё мироощущение, свой опыт, своё творческое начало, свои индивидуальные черты, отражая по своему уклад жизни народа. Я. Ругоеву довелось слышать карельские народные песни от последней талантливой исполнительницы песен рода Перттуненых Татьяны Перттунен.

Для Я. Ругоева примером непреходящих национальных черт, исторически весомых духовных ценностей был рунопевец Архип Перттунен, который прославил Карелию как никто другой. «Что же касается личности самого Архипа Перттунена, то в моем представлении он олицетворяет прежде всего высшее достоинство человека и творца в лучшем понимании этого слова, – писал Я. Ругоев в сентябре 1978 года. – Он был одним из первых карелов, которому было суждено встать лицом к лицу с мировой культурой. Но с каким достоинством он справился с этой необычайной и нелегкой миссией – этот неграмотный, но умудренный опытом жизни и одухотворенный врожденным поэтическим даром простой крестьянин из маленькой лесной деревушки Латва-ярви, о которой впоследствии было сказано, что «она столь же знаменита, сколь и забыта». С каким достоинством встречал жизненные невзгоды и с ка-

⁵ Сурхаско Ю. К вопросу о живучести дохристианских верований у карел // Карела: этнос, язык, культура, экономика. Петрозаводск, 1989. С. 60–62.

ким достоинством держался не только среди односельчан, но и с далеким гостем, пришедшим к нему за песнями»⁶.

В разное время Я. Ругоев собирал сведения об этом человеке (прежде всего от жителей Латваярви) и чем больше деталей из жизни рунопевца он узнавал, тем всё больше проникался благородством души старого крестьянина:

«Архип был среднего роста, широк в плечах, коренаст. Его умное лицо обрамляла небольшая бородка, что было характерно для Перттуненых. Архип был главой небольшой семьи: забот и работы хватало. Но тяготы жизни не сломили его, он всегда оставался добродушным и жизнерадостным. К сыновьям относился дружески. Он прививал им любовь к исполнительскому искусству, воспитывал честность, а иногда шутя мерился силой.

Архип был также заядлым охотником, но ружью предпочитал силки. Порой судьба испытывала Архипа на прочность. Иногда неурожайные годы следовали один за другим. Дети и старики умирали от голода. Кое-как перебивались на худом хлебе и куске молока. Многие избы опустели. Люди пошли по миру в поисках работы и пропитания. Кое-кто так и не вернулся. Но нашелся человек, который твердо решил остаться на родине вопреки холоду и голоду. Весенние снега еще стояли нетронутыми, когда он собрал из амбара крохи ячменя и посеял всё до последнего зернышка. Боялся, что голод вынудит съесть зерна, и тогда жизнь навсегда угаснет в этих отдаленных северных местах.

– Что посеем, то и пожнем, – сказал Архип.

Он знал, что надеяться не на кого, оставалось полагаться только на собственную силу. И он победил: год выдался урожайным.

Лишения и несчастья не очерствили сердце Архипа; в минуты невзгод он по-прежнему подавал всем щедрую руку помощи. Ни бедность, ни заморозки, ни неудачи не могли сказаться на оптимистическом мировоззрении Архипа. Этот вечный труженик до конца жизни сохранил богатырское здоровье и хорошую трудоспособность. Архип болел всего шесть недель. Почувствовав конец, он дал наказ: «На могилу мою поставьте прибрежные камни. Возьмите из воды и поставьте сверху. Они не истлеют». Жители Латваярви исполнили просьбу Архипа, и по сегодняшний день на могиле Архипа в Калмосаари возвышаются только поросшие мхом камни»⁷.

Главным в воспитании юного Я. Ругоева был окружающий его крестьянский мир, поведение земляков, их образ мысли, семейный микроклимат. Не удивительно, что многие черты характера Архипа Перттунена были присущи и Я. Ругоеву: его тоже не сломили тяготы жизни: он тоже всегда оставался жизнерадостным, честным человеком; лишения и несчастья не

⁶ Ругоев Я. Наследство и наследники: Предисловие к изданию карело-финского эпоса «Калевала». Перевод с финского автора // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 493. Л. 8.

⁷ НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 493. Л. 4–6.

очерствили его сердце, он подавал всем щедрую руку помощи; был вечным тружеником до конца жизни.

Севернокарельская деревня была для Я. Ругоева той средой жизнеобитания, которая была освоена многими поколениями предков. Как пишет этносоциолог Е. Клементьев, «вплоть до наших дней карелы старшего поколения верят в тесную связь человека с растительным и животным миром. Ещё недавно многие знали заклинания, заговоры, которые, согласно поверью, позволяли природные стихии использовать на благо человека»⁸.

В дни детства и юности Я. Ругоева сельская среда еще не успела претерпеть радикальных изменений. И хотя на смену веками сложившихся форм и направлений природопользования и хозяйствования пришли новые, северные карелы и в условиях колхозных перемен сохраняли в довоенное время национально-культурное единство, бытовые и трудовые традиции, привычные образцы и нормы поведения. Подтверждение этому – письмо, полученное Я. Ругоевым от бывшего жителя деревни Костомукша (подпись неразборчива) от 4 декабря 1987 года:

«Я родился и провел своё детство в довоенной деревне Костомукше. Это была достаточно большая деревня для того времени, состоявшаяся из нескольких десятков дворов, где были сельский совет, колхоз, школа, магазины, ясли – сад, клуб. Дома располагались в нескольких местах вдоль берега живописного озера, богатого рыбой. Озеро окружали лесные массивы северной тайги, поля и луга. Мы жили в части деревни, которая называлась Ватала, где было семь дворов, а, напротив, на другом берегу озера, была расположена основная часть деревни, которую все называли Кюля. Сообщение между Ватала и Кюля осуществлялось через деревянный мост или на лодках. А в зимнее время – на лыжах и санках. Для нас, подростков, было большой радостью побывать в Кюле в гостях, в магазине, клубе, на спортивных мероприятиях, которые проводились систематически по легкой атлетике, стрельбе, лыжным гонкам. Приятно вспомнить, что маленькие, начавшие ходить, сразу же обучались ходьбе на лыжах. Жизнь и работа в деревне кипела полным ходом. Колхоз в основном имел животноводческое направление: крупный рогатый скот и овцеводство, хотя уделялось много внимания посевам ржи и ячменя. Почти каждое индивидуальное хозяйство имело домашний скот; сажали репу, сеяли ячмень и рожь. В беседах с бабушкой, с родными вырисовывается картина достаточно хорошей жизни в довоенной Костомукше. Почти каждый дом, каждая семья обеспечивали себя мясом, рыбой, маслом. Труднее было с одеждой, обувью. Мужчины, особенно в зимнее время и весной, работали на лесозаготовках»⁹.

⁸ Клементьев Е. И. Карелы: Этнограф. очерк. Петрозаводск, 1991. С. 34.

⁹ НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1413. Л. 26–28.

Когда в 1927 году пришло время отправлять Яакко в начальную школу, выяснилось, что ближайшая из них – в Костомукше и до неё семь километров. Вначале Яакко нашел приют у тети Иро, а после первого класса вместе с другим суоярвским мальчиком Юхо Ватаненом перешел в Контокскую школу, где был второй класс. Через год Яакко вернулся в Костомукшскую школу, где был интернат. Он не успел получить начального образования, как умер отец. Вся забота о существовании семьи и пятерых детей легла на плечи матери Агафии Артемьевны. Из-за тяжелого материального положения семьи Яакко смог посещать школу только по субботам. Учитель Алексей Евсеев помогал мальчику, задавая уроки на целую неделю. Учебу Яакко сочетал с работой в поле и в лесу. В двенадцать лет он окончил начальную школу и хотел продолжать учёбу, но для этого надо было ехать за 60 километров в районный центр Ухта. Не было одежды и обуви. Но желание учиться было огромно. И с благословения матери и с 24 копейками в кармане Яакко осенью 1931 года поехал с двумя другими мальчиками Ипу и Евсеем на попутной лодке в дальний путь. В записной книжке, датированной 1936 годом, есть запись о первых «ухтинских впечатлениях»:

«С Ипу и Евсеем в Ухту. Ночью – электричество с берега, автомашины, радио. Большие дома. Встречи с Тойска. Испытания – интернат. Старшие ребята – диктатура. Мийкканов – на собрании о книгах. В комсомол. Плакса. Евгения – добрая. Увлечение книгами. История с хлебом – воры. Работа на полях. Хозяйство т. Лютинен. Лошади. В хлеве. Товарищи по классу. Иммонен. Случай с Пухилас. Вечеринки. Учителя. Тойкка, Матвей Исаакович, Росси. Работа – дрова, уборка, лыжи, радость – помогать семье. Домой. Таня в санях. Извозчик Пекка, Литературные увлечения. Лето – в библиотеке. Аня. Книги. Получка. Поездки в Петрозаводск. Домой. Лето, возвращение через Вокनावолок. Интересный случай с мандолиной на сенокосе.

Василий. Первое знакомство. Вечера. Дружба. Стихи и «драки». Разговоры. Лыжи, коньки. Поездка на реку Ухта. Его история – детство, исключение из школы. Документ – сапожник. Опять в школу. Скрипка. Рваные кальсоны. Мрачная картинка – Пирхонен. Ольга. Кружок фотографов. Важный снимок. Катание. Слушайте Росси. Дружба с Василием продолжается. Планы на будущее. Серьезные литературные планы. Олимпиада после шестого класса. Детская любовь – Палага. Лето в газете, зимой – в радиостудии»¹⁰.

Эти юношеские записи были частично расшифрованы Я. Ругоевым в «Воспоминаниях», написанных в Косалме и датированных 27 мая 1988 года¹¹. До него о Калевальской средней школе и ее развитии в разные десятилетия имелаась целая литература: воспоминания бывших учителей и учащихся, очерки и зарисовки писателей. Львиная доля этого материала была

¹⁰ Ругоев Я. Записная книжка и фрагменты блокнотов с дневниковыми записями, воспоминаниями о школе. Крайние даты 5.4.1936 – 3.3.1937 // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 717. Л. 55–56..

¹¹ Ругоев Я. Воспоминания // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 616. Л. 89–92.

напечатана на финском языке в республиканской периодике, книгах и альманахах. Свои воспоминания Я. Ругоев адресовал русскому читателю, чтобы возможно большая аудитория познакомилась с опытом карельской школы, в которой в 1938 году 30 педагогов обучали 626 учеников¹².

По воспоминаниям Я. Ругоева, сразу после гражданской войны Ухтинской школой крестьянской молодежи, преобразованной позднее в среднюю школу, руководили (и преподавали в ней) бывшие красногвардейцы. Среди них был Арви Нумми, организатор первого в Ухте (позднее районный центр был переименован в Калевалу) литературного объединения. При школе было построено крупное подсобное хозяйство: животноводческая ферма (40 породистых коров, 40 свиней и 5 лошадей), сенохранилище, силосная башня. На обширных посевных площадях выращивались многие травы и другие кормовые культуры. Школьный интернат обеспечивался круглый год картофелем, овощами, молочными продуктами. Вода на ферму подавалась электронасосами. В коровнике были устроены автопоилки. Ферма имела сельхозтехнику на конной тяге. Все работы на ферме и на полях выполнялись учащимися школы под руководством преподавателя биологии и трех человек из штатного персонала подсобного хозяйства. Урожаи были отменные. Душой и главным организатором всей этой деятельности был Герман Лютинен, бывший красногвардеец и первый председатель Кондокского ревкома. Пройдя эту практическую школу, юноши и девушки получали трудовые навыки, профессиональное умение и агрономические знания. В столярной мастерской под руководством преподавателя рисования Аалтами Росси, бывшего красногвардейца, учащиеся делали мебель, лодки, музыкальные инструменты. В конце каждого учебного года в праздничной обстановке вся эта продукция продавалась населению с аукциона, и вырученные средства шли в пользу интерната и на приобретение одежды и обуви учащимся из многодетных семей. Ученикам разрешалось сделать одну вещь для себя: лодку или скрипку, комод или прялку (в подарок матери), финские сани или лыжи. И часто случалось так, что юноша, окончив школу, плыл домой в лодке, построенной собственными руками.

Постоянным посетителем столярной мастерской был и Яакко Ругоев. А по вечерам он зарабатывал деньги, чтобы приобрести на зиму обувь. С другими такими же деревенскими парнями пилил дрова, копали картошку. На зимние каникулы Яакко выехал уже на своих лыжах, приобретенных на заработанные деньги, да кое-что было еще в кармане для матери. Яакко изготовил даже две скрипки, а его товарищ, Пекка Пертту, сделал себе мандолину. Так началось вступление в жизнь.

¹² НА РК. Ф.3716. Оп. 1. Д. 677. Л. 14.

Учеба давалась Яакко легко. В таблице успеваемости ученика 8-го класса Ухтинской школы Я. Ругоева за 1934–35 учебный год¹³ оценка «хорошо» стоит по родному языку, литературе, географии, истории, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, химии, биологии; оценка «удовлетворительно» – по русскому и английскому языку. Мальчик рос здоровым – за второе полугодие пропустил по болезни всего три дня. Добрый и общительный, он быстро обрел друзей. Один из них – Василий Кириллов (упоминаемый в дневниковых записях как Василий). О судьбе этого человека позднее Я. Ругоев напишет повесть.

В Ухтинской школе была большая библиотека, и Яакко стал одним из самых активных читателей. Ранее прочитанная им литература была очень пестрой, состояла преимущественно из произведений случайно попадавшихся под руку финских авторов. Теперь в его круг чтения вошли книги петрозаводского издательства «Kirja» и издававшийся на финском языке первый национальный журнал «Punakantele». Как вспоминал позднее Я. Ругоев, «ярко запомнились «Неделя» Ю. Лебединского, «Ташкент – город хлебный» А. Неверова, «Чапаев» Д. Фурманова. А потом я был очарован стихами Ялмари Виртанена (он первый принес новую карельскую тему в поэзию) и Леа Хело (Тобиас Гуттари), прекрасными произведениями финских классиков А. Киви, Ю. Ахо, М. Кант, поэзией Эйно Лейно, искрящимся юмором М. Лассила. И, наконец, «Разгромом» А. Фадеева, книгой Н. Островского «Как закалялась сталь». После этого пришла пора основательно познакомиться с русской и западной классикой, лучшими образцами советской литературы¹⁴.

Кроме библиотеки в школе действовали театр, хор и оркестр. Музыкальные традиции были заложены в начале 1920-х годов композитором и скрипачом Лаури Иоусиненым, который в те годы преподавал физику. Во время зимних и весенних каникул из Ухты направлялись в разные стороны концертно-агитационные бригады учащихся на лыжах и на своих лошадях. Выступали ребята и в самых дальних пограничных деревнях. А во время весенних каникул в сани грузились веялки, чтобы помочь колхозникам чистить семенное зерно перед севом. Одновременно велась пропаганда сельскохозяйственных знаний, проводилась спортивно-оборонная работа. Из стен Калевальской школы вышли замечательные спортсмены, ставшие чемпионами на многих республиканских и всесоюзных соревнованиях.

«Вся эта атмосфера, наполненная впечатлениями от книг, народной поэзии, воспоминаний бывалых людей в сочетании с новой быстро меняющейся действительностью возбудила жажду все новых и новых знаний и желание передавать узнанное кому-то другому, – вспоминал Я. Ругоев. – Мои первые робкие полудетские литературные упражнения относятся к самому началу 1930-х годов. Интересно, что публиковавшиеся в пионерской и комсомоль-

¹³ НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1431.

¹⁴ НА РК. Ф. 3716. Оп. 1, Д. 683. Л.35.

ской прессе мои первые стихи и рассказы во многом уступали записям, оставшимся ненапечатанными (каким-то чудом сохранились несколько листков). В опубликованных вещах – стремление к разного рода «красивостям», выдумке, в черновых записях – живая правда, узнанная от людей или увиденная своими глазами¹⁵».

Первые пробы пера способного юноши поддержал учитель литературы Матвей Исакович Пирхонен (о его жизни Я. Ругоев рассказал на страницах журнала «Punalippi» (1983, № 3)). С благословения учителя стихи школьника появились на страницах издававшейся в Ленинграде на финском языке пионерской газеты «Kiriina» («Искра»).

Стихи Я. Ругоев писал чернилами обычной ручкой в тетради в клетку. Одна из тетрадей, датированная 1936–1937 годами, представлена в личном фонде писателя¹⁶. Многие поэтические строки перечеркнуты, испещрены замечаниями, что свидетельствует об упорной работе над словом. Рукописи стихов перемежаются рисунками автора. Более всего он любил рисовать избы родной деревни на берегу любимого озера.

В «Библиографических сведениях об очерках, статьях и стихотворениях за 1930–1950 гг.»¹⁷ Я. Ругоев назвал двадцать публикаций, датированных 1935–1938 годами. Позднее собственноручно составленная в 1958 году Я. Ругоевым «Библиография произведений»¹⁸ включала лишь шесть довоенных публикаций: «Рассказ деда Микко» («Rintama», 1935, № 12), рассказ «За семенами» («Rintama», 1936, № 1), «Два стихотворения непокоренным» («Rintama», 1933, № 14), стихотворения «Весна» (альманах «Kevatvyory», 1934, № 6), «Советской женщине» (журнал «Neuvostonainen», 1937, № 5) и «Самппа» («Rintama», 1937, № 6). Вошедшие в перечень два рассказа были навеяны услышанными в детстве воспоминаниями родственников (в том числе деда писателя Тимо) и через повседневное в крестьянской жизни показывали высокие нравственные идеалы северян. Что же касается стихотворений, то они написаны в рамках «социального заказа», утверждавшего художественное мировоззрение как исключительно рациональную систему. По примеру многих других литераторов середины 1930-х годов, Я. Ругоев стремился к прямому и активному выражению своей общественной позиции. Сотрудники финноязычных газет и журналов охотно печатали молодого поэта, в стихах которого изначальная искренность дарования питалась сознанием гражданской ответственности за своё творчество.

Писать стихи и выходить с ними к читателю стало для Я. Ругоева насущной потребностью уже в школе. Особой радостью для юного поэта было, когда стихи публиковались в районной газете или звучали в Ухте по местному радио, которое вело передачи на финском

¹⁵ НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 683. Л. 37.

¹⁶ НА РК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 304. Л. 124–130.

¹⁷ НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 677.

¹⁸ НА РК. Ф. 3716, Оп. 1. Д. 1474. Л. 121–122.

языке. Способного молодого человека заметили в районной газете и предложили во время летних каникул поработать разъездным корреспондентом. С фотоаппаратом в руках Яакко побывал во многих деревнях родного края, встречался с интересными людьми, записывал их рассказы. Одна из его ранних публикаций была посвящена встрече с исполнительницей карельских рун Оксенией Лесонен. На хранящемся в личном фонде этом материале¹⁹ рукой автора, карандашом, поставлена дата написания: 1933–1934 гг. В те годы Ухтинский район славился исполнителями народных сказок и рун (М. Михеева, М. Ремшу и др.). Встречи с ними не могли не сказаться на прямом обращении молодого поэта к фольклору, в котором Я. Ругоев находит огромный, самой жизнью творимый, материал для осмысления дум и чувств народа.

Когда осенью 1936 года Я. Ругоев, сдав вступительные экзамены, стал студентом финского отделения учительского института (с двухгодичным сроком обучения), он предложил журналу «Rintama» стихотворение «Samppa», написанное под сильным влиянием народно-эпической традиции. Хранящийся в личном фонде оригинал стихотворения²⁰ датирован 1936–37 гг. и иллюстрирован рисунком поэта. Созданный по канонам фольклорной поэтики, лирический герой стихотворения хранит в памяти опыт предков, семейно-родовые традиции и одновременно верит в «новины», в светлое социалистическое будущее народа. Жизнерадостный пафос стихотворения способствовал его публикации в одном номере (1937, № 6) с текстом Конституции АССР. В том же номере журнала были напечатаны произведения таких известных писателей, как Я. Виртанен, Э. Паррас, В. Эрвасти, и это само по себе выводило молодого поэта в число тех, кто составлял надежду карельской литературы.

Я. Ругоев с присущей ему энергией окунулся в литературную атмосферу Петрозаводска тех лет. Его стихи и проза нашли поддержку у преподавателей учительского института Николая Яккола и Урхо Руханена. Он познакомился и подружился со своими ровесниками и земляками, которые делали первые шаги в карельской литературе, а позднее стали известными карельскими писателями (Н. Гиппиев, А. Тимонен). Надежную поддержку молодой поэт постоянно ощущал со стороны Тобиаса Гуттари (Леа Хело). Стихотворение Я. Ругоева «Марина», опубликованное в республиканской газете «Punainen Karjala», получило премию в проведенном этой газетой литературном конкурсе. О том, что Я. Ругоев с юности готовил себя к профессиональной литературной деятельности и дорожил своими публикациями, свидетельствует заведенный им альбом²¹, куда он в течение 1937–1962 годов клеивал вырезки из газет и журналов опубликованных стихотворений, переводы стихов советских и зарубежных авторов.

¹⁹ НА РК, Ф. 3716. Оп. 1. Д. 439. Л. 65–66.

²⁰ НА РК, Ф. 3716. Оп. 1. Д. 304. Л. 124–130.

²¹ НА РК, Ф. 3716. Оп. 1. Д. 2.

Кроме стихов и рассказов, Я. Ругоев решил попробовать свои силы и в драматургии. В личном фонде хранится оригинал его пьесы «Metsässä» («В лесу»)²², написанной в феврале-марте 1937 года на обеих сторонах бумажных листов. В пьесе – двенадцать действующих лиц, в том числе бригадир Митрий (40 лет), молодые рабочие Василий и Пекка, пожилые колхозники Феодосий и Фекла. В основу так и не опубликованной пьесы легли рассказы родных и близких о крестьянских «новинах», о навязанной сверху практике обязательного участия колхозников в лесозаготовительных работах.

Но надежды Я. Ругоева обрести свое место в литературе, выпустить первую книгу, стать членом Союза писателей были перечеркнуты событиями 1938 года, когда в условиях массовых этнических чисток, обвинений в шпионско-националистической деятельности употребление финского языка в Карелии было категорически запрещено. В 1938 году Я. Ругоев опубликовал в выходившем на карельском языке журнале «Карелия» (№ 11–12) один рассказ и в газете «Советская Карелия» – одно стихотворение, посвященное Первомайскому празднику. В отличие от своего друга Николая Гиппиева (вместе с Ф. Исаковым издавшего на карельском языке в 1939 году сборник стихотворений «Хуондес») Я. Ругоев не смог с такой легкостью перейти от латиницы финского языка к кириллице карельского и на несколько лет отошел от литературы. Лишь когда в связи с завершением «финской кампании» 1939–1940 года запрещенный финский язык вновь стал государственным и стал выходить финноязычный журнал «Punalipru», имя Я. Ругоева вновь появилось на страницах печати в связи с повторной публикацией его стихотворения «Samppa» («Punalipru», 1941, № 4). Ответственным редактором журнала в тот момент был А. Эйкия, в редколлегию входил Т. Гуттари – и они решили напомнить о существовании молодой смены и опубликовали вслед за стихотворением Я. Ругоева один из рассказов А. Тимонена.

В предвоенные годы Я. Ругоев со свойственной ему напористостью сосредоточился на получении образования и профессии. Выпускник Ухтинской школы, где все предметы преподавались на финском языке, он сначала ничего не понимал на лекциях по западноевропейской литературе, которые читал приезжавший на неделю из Ленинграда М. Михайлов, но постепенно научился говорить по-русски настолько, что первую экзаменационную сессию сдавал на русском языке. Летом 1937 года Яакко вместе с несколькими другими студентами на месяц отправился в фольклорную экспедицию собирать материалы по карельской традиционной культуре в деревнях Тунгудского и Ухтинского районов. По возвращении в ноябре 1937 года он написал студенческую работу о рунопевческих традициях Северной Карелии²³. Работа состояла из четырех разделов: начиналась с рассказа о замечательных традициях

²² НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 423. Л. 2–13.

²³ Karjalaisesta Kansanrunoudesta // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 440. Л. 2–8.

древней эпической традиции в Карелии, о мировом значении эпоса «Калевала» и завершалась заметками о современном состоянии карельского фольклора. В работе были процитированы и снабжены комментариями более 170 строк из «Калевалы» а также записи, сделанные Я. Ругоевым во время летней экспедиции. В послевоенные годы Я. Ругоев в своих работах еще не раз вернется к анализу «Калевалы», но отправной точкой его научных писательских интересов послужила и эта студенческая работа, и повседневная жизнь в крестьянской семье, где внутренняя жизнь личности была относительно стабильна и развивалась в согласии с фольклорно-эпической моделью мира.

Свою курсовую работу Яакко написал на финском языке, но уже осенью 1937 года отделение финского языка перевели на карельский язык. Ввиду тяжелого материального положения Яакко не стал повторять пройденный курс и с осени 1937 по август 1938 работал в редакциях республиканских газет «Punainen Karjala» (издавалась на финском языке и была закрыта в декабре 1937 г.) и «Советская Карелия» (издавалась на карельском языке) в качестве литературного сотрудника. Осенью 1938 года Яакко вернулся в учительский институт на второй курс отделения карельского языка. Преподававший тогда карельский язык Н. А. Анисимов составлял грамматику карельского языка и попросил знавшего финский и карельский языки студента помочь ему. Яакко стал обучать первокурсников карельскому языку по указаниям Анисимова и одновременно учился на втором курсе. Когда он в июле 1939 года окончил институт и получил диплом учителя карельского языка и литературы, его оставили в вузе преподавателем.

В октябре 1939 года Я. Ругоев был призван в армию и отправлен на Дальний Восток. За два месяца он успел пройти курс молодого бойца, принять присягу и в декабре, когда началась советско-финляндская война 1939–1940 гг., был переведен на Карельский перешеек в качестве заместителя политрука так называемой Финской Народной Армии (ФНА). В неё вошли более тысячи знавших финский язык добровольцев, которые должны были защищать интересы Народного правительства Финляндской Демократической Республики во главе с видным деятелем финляндского и Международного коммунистического движения О. В. Куусиненом. Предполагалось, что ФНА вслед за Красной Армией войдет в Хельсинки и обеспечит военную поддержку правительству О. В. Куусинена. Как пишут историки, соединения Народной Армии располагались во втором эшелоне за войсками Красной Армии и в боевых действиях использовались мало²⁴, так что Я. Ругоеву, как и его земляку О. Степанову, тоже включенному в состав ФНА, пороку понюхать не пришлось. После окончания войны началось расформирование ФНА, а её личный состав образовал ядро 71-й стрелковой дивизии. Если О. Степанов остался служить в Красной Армии, то Я. Ругоева в

²⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 583–589.

июле 1940 года демобилизовали по состоянию здоровья (закрытая форма туберкулеза). При выполнении заданий он дважды сильно простудился, но заболел уже после окончания войны, в Новгороде, куда его часть была переброшена. В течение двух месяцев он лечился в госпитале и в военном санатории в Ленинградской области, после чего был снят с военного учета.

В поисках работы демобилизованный воин пошел на прием к наркому народного образования Инкери Лехтинену, и тот направил его преподавателем финского языка и литературы в Ухтинскую среднюю школу (благо к тому времени в школах вновь вводилось обучение на финском языке). В августе 1940 года Яакко прибыл к месту работы. К этому времени Ухтинская школа была уже полной средней школой. В ней обучалось около тысячи юношей и девушек со всего района. Этот учебный год был ознаменован всплеском музыкальной жизни не только в школе, но и в районном центре. Дело в том, что композитор Карл Раутио, работавший тогда музыкальным руководителем Финского драматического театра, принял предложение дирекции школы и переехал с семьей в Ухту. Тогда в районном центре действовали три полноценных духовых оркестра (дома культуры, средней школы и пограничников). В каждом классе были свои хоры, а сводный школьный хор с весны часто выступал на местном стадионе. Ученическим духовым оркестром руководил сын композитора Эрик Раутио, тогда учащийся 6-го класса (впоследствии заслуженный деятель культуры республики). Преподаватель математики Вейкко Хуттунен возглавлял большой струнный оркестр. А сам Карл Раутио дирижировал симфонической группой, состоявшей из учителей и учащихся.

«Большинство учителей нашей школы были крупными личностями, — вспоминал Я. Ругоев. — Это завуч и преподаватель математических дисциплин Илмари Тойкка (в своё время учился в Художественной Академии), Лаури Йоусинен и Карл Раутио, Аатами Росси (он же художник, скульптор, резчик по дереву) и наш незабвенный Матти Пирхонен. Как бы то ни было со всей рунопевческой традицией Калевальского района, но без выпестовывания Матвеем Исааковичем из стен Калевальской школы не вышло бы столько писателей, составивших основное ядро карельской национальной литературы. Хочу отметить еще одно обстоятельство: учительский состав нашей школы состоял, по крайней мере, наполовину из мужчин. Все они были удивительно красивые, духовно богатые люди, большинство — уроженцы этой земли, многие — бывшие ученики этой же школы, вернувшиеся в свое первоначальное гнездо не из-под палки, а по призванию. Это тоже вносило в школьную жизнь атмосферу обстоятельности, устойчивости, постоянства, надежности. Наша школа имела собственное ли-

цо, присущее только этой школе. Для нас, бывших питомцев Ухтинско-Калевальской школы, наша школа была единственной, как материнский и отцовский дом»²⁵.

Вплоть до июля 1941 года Я. Ругоев работал преподавателем финского языка и литературы, и этот год, хотя и не был богат литературными публикациями, значил многое в его жизни. Он дышал воздухом родины, слушал родную речь, впитывал многообразное фольклорное богатство Северной Карелии: руны, сказки, пословицы, танцы, музыку, прикладное искусство. Уже тогда у него проявилась страсть накапливать всевозможные материалы о жизни Карелии, вплоть до уходящих в такую глубокую древность, какая только могла сохраниться в памяти народа. Из рассказов родных и близких он узнавал о трагических изломах в судьбах северных карел, о превратностях экономического и культурного развития края. «Ежедневные, продолжающиеся день за днем контакты с народной жизнью, неторопливые наблюдения за привычками, речью и характерами людей – все это подталкивало меня к активным литературным занятиям, – вспоминал Я. Ругоев в беседе с П. Виртаранта. – В ту зиму и весну я набросал начерно немало рассказов и стихотворений»²⁶.

Творческие и жизненные планы перечеркнула война.

«НАС С ТОБОЙ РАЗЛУЧИЛА ВОЙНА»

*«Получил письмо от Фани.
Послал телеграмму, чтоб она
приехала к 1 мая ко мне».*

*(Из дневника Я. Ругоева, 19 апреля
1944 г. // НА РК. Ф. 3716.
Оп. 1. Д. 672. Л. 79)*

В свои двадцать с небольшим лет Яакко выглядел крепко сложенным, красивым парнем, В него влюблялись местные девушки, ждали взаимности. Но к тому времени в его жизни уже появилась девушка из Ленинграда, которая поразила искренностью и силой чувств. Он встретился с ней летом 1940 года во время пребывания в военном санатории, тогда находив-

²⁵ Ругоев Я. Воспоминания // НА РК. Ф. 3718. Оп. 1. Д. 616. Л. 89–92.

²⁶ Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 183.

шемся возле станции Сиверская, где рядом текла речка Оредеж с песчаными берегами и соснами. Молодые люди купались и загорали, радуясь прекрасной солнечной погоде. Овладевшее Яакко чувство было столь сильным, что он сделал девушке предложение стать его женой. И получил отказ. Но переписка между влюбленными не прекратилась и в военные годы. Письма Шестаковой Фаины (именно так она назвала себя при встрече с Яакко, хотя по паспорту она значилась как Афанасия) написаны в промежутке между 28 октября 1941 года и 15 августа 1945 года. Всего 33 документа на 53 листах¹. Эти письма адресованы человеку, которого девушка воспринимает как умного, чуткого собеседника, которому можно раскрыть душу.

Из Ленинграда, 28 октября 1941 г.

Здравствуй, Яша!

Яшенька, я вчера получила от тебя письмо. Я очень благодарна тебе, что не забываешь меня. Яша, я каждый день вспоминаю о тебе. Я так беспокоилась о тебе, что так долго не было от тебя письма. Я писала тебе два письма, но ответа на них еще не получила. В общем, это не так важно, лишь бы ты чувствовал себя хорошо, и всё благополучно было бы с тобой.

Теперь несколько слов о себе. Живу я, можно сказать, хорошо, только скучновато; работаю еще пока на старом месте и все по той же специальности, живу тоже на старом месте. Через два дня дежурю на производстве по ПВО. Вот и сегодня как раз моё дежурство. Сижу одна в штабе и пишу тебе письмо. И вспоминаю последнюю нашу с тобой встречу. Правда, какая-то странная была эта встреча.

Яша, как мне хочется видеть тебя в военной форме. Интересно, как ты в ней выглядишь. Яша, ты просишь меня писать чаще, я и так стараюсь. Видимо, недостаточно хорошо идет почта.

В городе сейчас у нас спокойно, воздушных тревог нет, спим спокойно. Погода стоит пасмурная, сырая. Часто выпадает снег. Но не холодно. У Вас там, наверно, уже снегу много и холод, наверно. Есть ли у тебя теплая одежда? Может быть, тебе нужно чего-нибудь выслать из теплых вещей? Так ты, Яша, напиши. Я постараюсь побеспокоиться о тебе. Яша, ты просишь фотокарточку, но у меня нет хорошей. Я всё никак не могу собраться сфотографироваться, всё некогда. Ты извини меня, что я тебе посылаю такую неважную фотокарточку.

В магазинах у нас всё по карточкам. Продукты все по карточкам, в столовых тоже по карточкам. Правда, на рабочую карточку продуктов дают достаточно. В общем, пока что голодать не приходится.

¹ Письма Я. Ругоеву Шестаковой Фаины (Афанасии). Автограф. Крайние даты: 28 октября 1941 – 15 августа 1945 г. // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1378.

Яшенька, пиши мне. Я очень рада, что ты не забываешь меня, а я всегда мысленно с тобой, где бы ты ни был. Только бы скорей увидеться с тобой.

Яша, на всякий случай мой домашний адрес. Мало ли что может случиться, а от них ты можешь всегда узнать обо мне: Северный край, Архангельская область, Ровдинский район, Суландское почтовое отделение, деревня Сенцовская, Шестакова Анна Григорьевна (моя мать).

Из Ленинграда, 19 ноября 1941 г.

Здравствуй. Яша!

Яша, почему ты молчишь? Я получила от тебя последнее письмо, датированное 1 октября 41 г., и с тех пор ни одного письма. Что же случилось? Я так беспокоюсь о тебе. Каждый день вспоминаю о тебе. Я пишу это второе письмо. Что за причина твоего молчания? Ты всегда так аккуратно писал. Теперь несколько слов о себе. Живу я пока хорошо, работаю ещё на старом месте. С трудовой повинности приехала давно. Конечно, очень много изменений в моей жизни. Но описывать тебе не буду. Потому что ты молчишь. Жизнь в Ленинграде протекает довольно бурно с изменениями каждую минуту. Пока писать много не буду. Жду с нетерпением ответ от тебя. Крепко, крепко целую, Фаня.

Желаю тебе успеха в твоей борьбе с врагами. Привет всем бойцам. Сейчас мы в свободное время от работы вяжем теплые носки для бойцов.

Из Сенцовой, 23 мая 1942 г.

Здравствуй, Яша!

Шлю тебе горячий, пламенный привет и желаю хороших успехов на фронте. Яшенька, я вчера получила от тебя письмо, адресованное на маму, но так как почтальон был в присутствии меня, то оно моментально попало ко мне. Я так была рада, что не могу выразить словами. Наконец ты вспомнил обо мне! Я уже, признаться, не ждала письма, хотя я послала письмо тебе в мае, на всякий случай, вероятно, ты его уже получил.

Да, Яша, я никогда не ожидала, что судьба забросит меня обратно на родину. Я сейчас даже смутно вспоминаю, как я эвакуировалась из города, – я была в таком ужасном состоянии. В дороге я была с 22 февраля по 10 марта 42 года. В дороге я ещё вдобавок простудилась. И здесь долго болела, была в больнице, была очень сильная температура, я очень удивляюсь, что осталась жива, – я уже совсем приготовилась к смерти. Но вот с наступлением весны и распусканием зелени я начинаю оживать, как червяк. Начинаю понемногу работать в колхозе, более легкие работы выполняю. Причем северный воздух на меня благоприятно действует. К тому же очень заботятся обо мне родители. Так что, вероятно, в скором буду-

щем оживу, на счастье или на горе. В основном о себе всё описала. Живу довольно спокойно, иногда взгрустну. Вспоминаю очень часто о тебе, о прошедшем, о городе. Впрочем, очень скучать не приходится. У мамы есть сын четырех лет, такой забавный мальчишка, что целый день с ним можно провозиться. Хотя я не очень люблю детей, но это такой забавный мальчишка, что я влюблена в него по уши. Яшенька, ты прости меня, что я много тебе написала глупостей, но я так давно с тобой не делилась жизнью. Надеюсь, что ты мне ответишь поскорей и опишешь всё о себе. Как ты был ранен? Долго ли лежал в госпитале? Словом, всё о себе подробно. Жду с нетерпением. Всего хорошего. Будь здоров. Фаня.

Из Сенцовской, 27 апреля 42 г.

Здравствуй, Яша!

Яша, я так давно ничего не получала от тебя, что такое случилось? Я так беспокоюсь за тебя. Я не помню, отвечала или нет я тебе на последнее письмо. Я тогда была в таком ужасном состоянии, что мне всё было безразлично. Сейчас я нахожусь на севере у родителей. Хотя ты помнишь, как я недовольна была природой севера. Но сложились такие обстоятельства, что пришлось выехать из Ленинграда. Яша, если это моё письмо найдет тебя, то я очень прошу тебя – ответь мне хоть два слова. Мне здесь ужасно скучно. О себе ничего не буду описывать. Потому что не знаю ничего о тебе. С приветом. Фаня.

Из Сенцовской, 18 июля 1942 г.

Здравствуй, Яша!

Сообщаю тебе, что письмо твоё я сегодня получила и, не смотря на то, что работы у меня по горло, решила ответить. Яша, я так давно не получала от тебя письма, последнюю получила от тебя открытку. Мне уже думалось, что ты не вернулся из похода. Я очень рада, что ты не забываешь меня. Мне так скучно здесь. Живу я ничего. Работаю в колхозе. Чувствую себя прекрасно. Оказывается, север на меня действует очень хорошо. Только погода сейчас дождливая. А у нас как раз сенокос. В общем, обо мне не беспокойся. Пока что живу спокойно, с питанием хорошо. Чувствую себя лучше, чем в городе, только работы больше. Но это для меня неважно. Я люблю работать на свежем воздухе.

Очень часто вспоминаю о тебе. Яша. Разве я забуду когда-нибудь Сиверскую?! Никогда! Но это всё не вернется. Об этом можно только с грустью вспоминать.

В Сиверской у меня осталась подруга, о судьбе её ничего не известно. Из Ленинграда получаю часто письма от девушек. Пишут, что всё по-старому, как и было до моей эвакуации. Очень завидуют мне, что я уехала.

Яша, ты пишешь, чтоб я не беспокоилась о тебе. Но как же я буду спокойна, когда ты уже опять ранен. О! Скоро ли кончится эта проклятая война?! Ты просишь мою фотографию, с удовольствием бы тебе прислала, да все старые остались в городе, а сейчас я не могу сфотографироваться, потому что после болезни у меня сняты волосы. Я похожа скорее на мальчишку, чем на себя. Если бы ты сейчас встретил меня, то уверяю тебя, что не узнал бы. Я так загорела, как цыганка. В это лето у нас случилось несчастье: утонула сестренка 14 лет. Умер дедушка. Вторую сестренку, младше меня, взяли в Архангельск на завод работать на период навигации. Не знаю, отпустят ли её или нет на учебу. Дома мы живем вчетвером. Папа работает бригадиром в колхозе, мама – на скотном дворе в колхозе. Живем очень дружно. Несмотря на то, что мне хорошо жить, но все же меня тянет в город. Как было хорошо до войны! А теперь только и развлечения, что работа с утра до позднего вечера. Яша, если у тебя бывает свободное время, очень тебя прошу, пиши почаще. Я иногда вечером хожу за ягодами в лес и почти всегда вспоминаю о прошлом. Как было хорошо! И как быстро всё изменилось!

На госпиталь я не решилась писать. Возможно, ты пролежишь недолго. А письмо не очень быстро дойдет, судя по тому, как я получила от тебя на 11 день его существования.

Желаю всего наилучшего в твоей жизни! Как можно скорей поправиться! Посылаю вместе с письмом воздушный поцелуй в правую щечку. С приветом, твоя Фаина.

Из Сенцовской, 20 октября 1942 г.

Здравствуй, Яша!

Яша, я сегодня получила от тебя письмо. Как раз вечер у меня сегодня свободный, и я решила написать ответ сразу. Живу я хорошо. Чувствую себя прекрасно. Работаю сейчас в колхозе. Ввиду ушиба ноги пришлось уволиться с работы. Нога до сих пор болит, правда, теперь уже я хожу, но еще не твердо. Вероятно, проболит ещё около месяца. Хочу поступать на курсы трактористов, хотя мне очень не хочется на грязную работу, но придется. Очень трудно стало с работой, много здесь эвакуированных и устроиться на работу нет возможности. Вообще жизнь протекает очень скучная, погода стоит сырая. Грязь, дни короткие, вечером дома приходится сидеть с лучиной. Нет керосина. Да. Яша, ты просишь писать побольше, но о чём я буду много писать, когда жизнь течет однообразно. Одна скука да расстройство. Я теперь очень сожалею, что приехала сюда из города. Первое время я жила хорошо до августа месяца. А сейчас я и сама не понимаю себя, что со мной, я такая стала нервная, злая, что порой плачу безо всякой причины. Теперь я без работы. Просто живу и отживаю дни. Только и развлечения – иногда сходишь в кино в район, да сестренка придет из школы, так с ней хоть поговоришь. Писем ниоткуда не получаю, за исключением тебя. Подруги, с кото-

рыми я жила, что-то не пишут, не знаю, живы или нет. На работу писала, где я раньше работала, просила, чтобы выслали мне справку и трудовую книжку, тоже что то не отвечают. Не знаю, что такое. А мне очень хочется узнать о городе. Хорошо, что у нас в деревне живет еще одна женщина из Ленинграда, так мы с ней подружились, как будто родные. Яша, напиши, как пойдешь в поход, я хоть немного буду знать о тебе. Если ещё и ты перестанешь мне писать, я тогда совсем сойду с ума.

Посылаю крепкий воздушный поцелуй. С приветом, твоя Фаня.

Из Сенцовской, 16 ноября 1942 г.

Здравствуй, Яша!

Сообщаю тебе, что письмо твоё получила, за что очень благодарна тебе. Сегодня получила от тебя письмо и спешу поздравить тебя с награждением. Я очень горжусь тобой, что ты так мужественно, стойко и преданно защищаешь родину. Мне очень стыдно перед тобой за свои предыдущие письма. Я очень извиняюсь перед тобой. Впредь я постараюсь не писать такого содержания письма. Но этот тон письма был не от того, что мне нечего делать. Нет, я загружена работой по горло, хватает работы на все 24 часа в сутки. О литературе я не думаю, здесь не город, где я могла уделять литературе несколько часов. Здесь и несколько минут не могу уделить. Летом я работала в колхозе, отзывы о моей работе были неплохие. Потом два месяца работала заготовителем грибов и ягод и сельскохозяйственных продуктов, тоже не плачевные были результаты от моей работы. В настоящее время работаю в больнице. Больница находится от нас в пяти километрах, ежедневно приходится ходить домой в связи с домашней обстановкой. Вообще с тех пор, как я перестала болеть, начала работать и работаю по сей день. Всем, чем могу помочь нашей родине, помогаю. Яша, ты пишешь, что надо уметь терпеливо ждать более хороших условий жизни. В этом отношении я думаю, что у меня хватает мужества переносить такое трудное время и хоть немного, но всё же помогаю родине. Тем более, что я сейчас чувствую себя очень хорошо, совершенно здорова, чем страдала я в городе. Я вполне согласна с тобой, что при работе некогда скучать. Но всё же не то. Я почему-то ужасно скучаю о Ленинграде, меня прямо тянет туда («Невольно к этим берегам меня влечет неведомая сила»). О Ленинграде я могу говорить целый день. Вот что хочешь, то и делай со мной.

Из Сенцовской, 17 декабря 1942 г.

Здравствуй, Яша!

Сообщаю тебе, что письмо и открытку получила несколько дней назад. Но с ответом не спешу. Из твоего последнего письма я поняла, что ты ушел опять в тыл врага. Поэтому не

так быстро получишь моё письмо. Живу я хорошо. Погода здесь стоит теплая, только очень часто бывают вьюги и продолжаются несколько суток подряд. Ввиду этого мне приходится жить в том селе, где находится больница. Село – это центр нашего района и отличается от нашей деревни только тем, что побольше зданий и народу да ещё вдобавок домом культуры, где часто бывает кино, причем звуковое. За последнее время я часто стала посещать кино. Дни стали слишком короткие. В девять часов утра рассвет, и в три часа дня темно. А с освещением у нас не очень важно. Керосину нет. Дома у нас горит «электричество» при помощи березовой или сосновой лучины. Если с этим «электричеством» посидеть три-четыре часа, то в комнате появляется синее облако. Да ещё вдобавок папа со своим ароматным табаком (корни табачной самосадки), которые валялись на чердаке лет пять. От всей этой прелести к концу вечера появляется в комнате облако, как осенью перед дождем. В такой обстановке приходится работать. Но со всем этим я уже помирилась и внешне подделалась к северу довольно неплохо. Только мысли мои часто возвращаются к прежнему, к городу. Здесь почему-то и время очень медленно идет. Раньше мне не хватало суток, а теперь наоборот, прибавились наполовину. О своей работе, пожалуй, нечего много писать. Сегодня приехала из командировки. У нас сейчас проходила комиссия всем военнообязанным с 25 ноября по 15 декабря. Мне приходилось выезжать с врачами в сельские советы для комиссии.

На днях была комиссия девушкам. Набирали желающих для обучения на пулеметчиков, в числе их я тоже была, но, к большому моему огорчению, меня не пропустила комиссия, подвели нервы. Как-то в городе за последнее время не замечала за собой, что у меня не в порядке нервная система. Или же это осложнение после перетрубаций всей моей жизни? Не могу понять, отчего. Казалось бы, работа у меня в настоящее время спокойная, хотя всё время приходится обращаться с больными. А народ за последнее время стал нервный, но это на меня не очень действует. Я стараюсь спокойнее подходить к людям. Коллектив работников у нас хороший, более всего работники среднего возраста. В общем, живу в настоящее время хорошо. О чувствах не решаюсь писать, боясь, что опять подвергнусь резкой цензуре с твоей стороны. В этом письме молчу.

Яша, вот как ни странно, но я часто вспоминаю, что осталось от той местности, где мы первый раз встретились с тобой. Вот уже второй год, как та территория занята немцами. Моя подруга, у которой я часто проводила время, осталась там. Жива ли она, ничего не известно. Где столько дней было счастья! Мне так нравилась эта местность! Очень много осталось хороших воспоминаний. Как хорошо было бы, если опять пришлось побывать там со своими друзьями. Наверно, многих уже нет из них в живых.

На этом заканчиваю и прошу не резко критиковать меня. Время уже двенадцать часов ночи, иду спать.

С приветом, Фаня.

Из Сенцовской, 15 января 1943 года.

Здравствуй. Яша!

Яша, я на днях получила от тебя письмо. Была очень рада, что ты вернулся из похода, всё благополучно. Я всегда волнуюсь за тебя, когда ты уходишь в поход. Или когда долго нет письма от тебя. Яша, ты пишешь, что обижаешься на меня. Не надо обижаться. Я, конечно, часто бываю не права по отношению к тебе. Я понимаю, что тебе очень трудно приходится, быть всегда в напряженном состоянии. По сравнению с твоей жизнью моя жизнь отличается как день от ночи. Живу я спокойно, сплю и кушаю регулярно. Тишина кругом, не слышать концертов орудийной канонады. Но я бываю часто в нервном состоянии. Меня раздражает эта деревенская жизнь. Конечно, этого всего описать невозможно. Но когда встретимся с тобой, тогда я расскажу подобно о своих похождениях. Я не теряю возможности встречи с тобой.

Я не привыкла жить так, как живут в деревне. Я не говорю о всех деревнях, а в частности о нашей. Яша, я не думаю, чтобы ты ко мне относился враждебно. Если и бывают в твоих письмах грубые фразы, то я их не принимаю на свой счёт, а отношу их в сторону врага. Несколько слов о себе. Живу я пока хорошо, работаю в больнице. Часто бываю дома. Погода сейчас здесь стоит очень холодная. Папа уехал на лесозаготовки. Мне приходится быть дома за хозяина ввиду того, что у мамы очень много работы. И на моей обязанности лежит: обеспечить дровами, лучиной и некоторыми мелкими хозяйственными делишками. В общем, живу неплохо. На днях получила письмо из Ленинграда от подруги. Я её уже не считала в живых. И вот оказалось – она жива и здорова, работает на моем месте. Бывший начальник нашего цеха приглашает меня обратно работать в Ленинград. Пишут, что живут хорошо. Яша, ты себе представить не можешь, как я была рада этому письму. Хотя в письме ничего особого не написано, но мне оно очень дорого. Просто настроение моё поднялось морально и физически. Как бы то ни было, ведь я провела там все свои юношеские годы. Всё мне там кажется родным, близким. Просто не могу описать своей радости этому письму.

О чувствах. Ну что же я могу тебе написать об этом? Все чувства притупляются при однообразной жизни. Только остались воспоминания о прошлом. Вот и всё. О стихах могу только сказать одно, что думаю о тебе часто. Пиши по возможности почаще.

С приветом, Фаина.

Из Сенцовской, 12 марта 1943 г.

Яша, я что-то давно ничего не слышу о тебе. Последнее письмо я получила от тебя в январе и с тех пор ничего неизвестно. Я послала одно письмо на почту до востребования и второе на часть. Последнее почему-то вернулось. Я очень беспокоюсь, что с тобой? Решила написать ещё письмо до востребования, так как первое письмо не вернулось обратно. Возможно, получил или получишь это. О себе писать ничего не буду, раз ничего не знаю о тебе. Яша, если получишь это письмо, то я тебя очень прошу, дай ответ, если можно.

Жду тебя, и ты вернешься,
Жду тебя, как ждут друзья,
Жду тебя, когда забудут
О тебе, мой друг, друзья.
Жду тебя, и ты вернешься,
Потому что я ждала.
Фаня

Из Ровдино, 10 апреля 1943 г.

Привет из Ровдино!
Здравствуй, Яша!

Яша, я вчера получила от тебя письмо из Хайколя. Очень благодарна тебе. Из Беломорска тоже получила одно с фотокарточкой. И сразу же ответила, вероятно, ты уже получил его. Яша, я очень рада твоим успехам в жизни и с нетерпением буду ждать твои рассказы о партизанской жизни. Из них я узнаю побольше о твоей жизни. А мне так хочется знать о твоей жизни! Хотя тебе приходится переживать трудности, но среди товарищей тебе, наверно, веселее, и время протекает незаметно. Здесь тоже есть ваша газета, где, без сомнения, есть твои статьи. Но беда в том, что я нисколько не понимаю вашего языка. А мне так хочется прочесть твои произведения! Как есть русская пословица: «Гляжу в книгу, а вижу фигу». Вот так и у меня с вашей газетой получается.

Живу я хорошо, работаю всё ещё в больнице, но только на другой должности – сестрой-хозяйкой по бельевому складу. А до этого работала регистратором-статистиком. Чувствую себя хорошо. Климатические условия гораздо лучше для меня, чем ленинградские. Я прошлой весной не замечала природы, меня гораздо больше привлекал хлеб, чем природа. А в этом году я прямо удивляюсь, как здесь хорошо, несмотря что север. Целые дни солнце, птички поют, ручьи текут, совсем весна. По-видимому, в скором времени начнется ледоход, и мне придется пожить на работе ввиду того, что деревня наша от больницы находится за небольшой речкой. В основном жизнь моя протекает без изменений. Всё свободное время провожу в хозяйственных делах. А иногда хожу в кино. Благодаря такой хорошей природе и

на душе становится веселей и бодрей. Конечно, воспоминания о старой жизни навевают грусть. Но ничего, я уже привыкла к тихой жизни.

На этом кончаю. Надеюсь в скором времени получить ответ. Будь здоров и бодр. С приветом твоя Фаня.

Из Сенцовской, 6 мая 1943 г.

Добрый день, Яша!

Яша, я удивляюсь, как тебе бог помог написать мне открытку, это за полтора месяца. Причем это ответ на мои три письма, посланные на адрес Беломорск. Спасибо. Очень благодарю за внимание ко мне.

С сердечным ласковым приветом, Фаня.

Сенцовской, 22 мая 1943 г.

Яша!

Сегодня ровно исполнилось два месяца, как я получила последнее от тебя письмо. В чем дело? Почему ты так редко стал писать мне? Неужели у тебя не находится несколько минут свободных для того, чтобы уделить мне. Я не прошу объяснения причины твоего отношения за последнее время ко мне. Но я только прошу тебя или пиши мне по возможности чаще, или совсем не пиши. Я так и буду знать, и не буду ждать твоих подачек. У меня только и радости было в жизни, что твои письма. Я всегда ждала с нетерпением их. И вот открытку твою получила и сразу ответила в тот же вечер. Получила 8 мая. Ответила довольно резко. Написала ровно столько, сколько было написано у тебя, только содержания другого. Думаю, что обижаться не придется: «Как крикнешь, так и отзовется».

О себе говорить много не приходится. Вряд ли интересует моя жизнь. Могу сказать о себе, что живу очень, очень хорошо. Работа мне моя нравится, как раз по моему характеру. Чувствую себя хорошо. Время свободное провожу неплохо, хотя его очень мало. Погода стоит хорошая, теплая, совсем похоже на лето. На настроение действует ободряюще. В общем, изменений в моей жизни пока нет.

Ну что же ещё написать? Хотелось бы много, много написать тебе, но ладно, воздержусь. И так очень резко проявила свои чувства и характер.

Всего хорошего. С приветом, Фаня.

Из Сенцовской, 8 июня 1943 г.

Добрый день, Яша!

Мой дорогой, ты, наверно, сердишься на меня за мои глупости. Но пойми, я так скучаю, когда нет долго от тебя писем. Сегодня вечером я получила твое письмо. Спешу сразу ответить. Хочу, чтобы это письмо ты получил до командировки и не уезжал с плохими мыслями обо мне. Я знаю, что ты очень занят работой и у тебя слишком мало свободного времени. Но хоть несколько слов, а пиши мне чаще. Мне будет очень приятно, что иногда ты вспоминаешь обо мне.

Яша, ты пишешь о встрече. Но вряд ли это возможно в настоящее время. С моей стороны довольно трудно выбраться отсюда. Да к тому же надо пропуск. Отпуска не будет в этом году у меня. Если случайно пошлют меня на оборонные работы в вашу республику, тогда конечно. Если специально ехать к тебе и уволиться с работы, то в такое время не очень удобно. Вот если у тебя будет возможность заехать ко мне, то, пожалуйста, буду очень рада. Родители мои довольно гостеприимны. И сожалеть об этом не придется, если побываешь у меня.

В это что-то трудно верится о нашей встрече. Видимо, в такой нехороший час встретились с тобой. Вот скоро уже два года нашему странному прощанию. Но ничего, неправда, встретимся. И не будем больше расставаться. Хорошо?

Яша, я написала тебе три письма, и все они разного содержания. Сиж и думаю, которое из них послать тебе. Или же все? Но не решаюсь. Слишком много они отнимут время у тебя на чтение, а у тебя и так свободного времени мало. Решила послать одно. На днях ходили фотографироваться. Как только будут готовы, сразу вышлю тебе, а то ты совсем забыл меня. Сердиться я на тебя не сержусь. Да я и не умею. Правда, я слишком вспыльчива. Но сердиться не могу. Яша, ты пишешь, что не хочешь писать причины своего долгого молчания. Не надо, я не имею права заглядывать к тебе в душу, это твоё личное дело. Насчет подарка. Так я его послала просто на всякий случай, не надеялась, что ты его получишь. И послала первый попавшийся под руку. О его прелестях не будем говорить.

Из Сенцовской, 24 июня 1943 г.

Здравствуй, Яша!

Живу я хорошо. Работой довольна, хотя не очень интересная, но ничего, приходится мириться. Домой хожу каждый день, погода чудная, теплая, уже начинают купаться. Я уже загорела в такой степени, в какой можно загореть на севере. После работы ходим работать в колхоз или на подсобное хозяйство больницы. Чувствую себя хорошо. В общем, живу хорошо, с питанием тоже очень хорошо. Настроение ничего. Переменно. Если сделаешь сам заключение из моих писем, то, конечно, резко меняется. Ничего не поделаешь, такой уж характер. Ну, что же тебе еще написать о жизни, пожалуй, нечего, слишком она однообразна. Жду уже второй месяц обещанное тобой. Но, как говорится, «обещанного три года ждут». Навер-

но, дождусь. Правда! Это совсем не важно, что будет написано не на русском языке. Все равно прочту, хотя не сама, а все же буду знать о твоих трудах. Вот, пожалуй, всё, что я хотела тебе написать.

Если придется тебе заглянуть ко мне, то опишу путь следования. По железной дороге доедешь до Вельска. С Вельска до нас ещё сто километров, придется на автомашине, доедешь до Ровдино – там находится больница, где я работаю. Приезжай. Будь здоров. С приветом, твоя Фаня.

Из Сенцовской, 12 июля 1943 г.

Здравствуй, Яша!

Сообщаю тебе, что письмо, датированное 3 июня 1943 г, и открытку получила, за что очень благодарна тебе. Особенно за письмо. Я верю тебе! Я сама тебе пишу всё искренне от всего сердца. И даже часть своих переживаний. Конечно, всего, что подчас приходится переживать, невозможно описать. Ты, конечно, понимаешь меня, – да! Яша, ты уж извини меня, если я иногда резко пишу тебе. Тебе, конечно, трудно иногда понять меня, потому что мы с тобой находимся в совершенно разных условиях жизни. Да и мы с тобой очень мало знаем друг друга. Но я почему-то всегда пишу слишком откровенно. Не знаю, как ты? Но мне хотелось бы верить, что и ты мне пишешь от всего сердца. Вот и сейчас такой чудный теплый вечер, такая прекрасная природа, какая может быть на севере; такой чистый, чистый воздух, какого никогда не бывает в Ленинграде. Мне так хотелось бы разделить с тобой лично хоть один из таких вечеров. Но, увы! Под действием такой природы мне невольно вспоминается «песчанка», и навевает тоску о прошедшем. Да, если памятью вернуться в прошедшее, то в моей жизни не всё было туманно, много было и хорошего. Здесь, далеко в тылу, хотя и физическим трудом, но хочется как можно больше помочь фронту, чтоб скорей вернуться к прежней жизни. Яша, Яшенька, как я здесь многому научилась! Я освоила почти все сельскохозяйственные работы не зависимо от тяжести, к мужской специальности принадлежит или к женской. Физически я вполне здорова, а морально можешь судить сам. На днях вернулись только со сплава, где находились десять дней. Заготавливали дрова для больницы. Пришлось самим сплавивать и парами сплавлять по речкам. Правда, когда я встала на паром первый раз, мне было страшно отдавать свою жизнь в водную стихию. А когда доплыли все благополучно до мест назначения, я чувствовала себя уже героем. При больнице у нас очень большое подсобное хозяйство и приходится много работать, ничего не сделаешь. На днях пойдем в лес на сенокос дней на пятнадцать. В основном, пожалуй, всё описала подробно.

Живу хорошо, чувствую себя прекрасно. Погода стоит теплая, частенько бывает дождь, но всё же он не мешает наслаждаться природой. Поспевают уже ягоды и грибы, чего я такая любительница как их собирать, так и кушать.

Фотографию высылаю, правда, немного неправдоподобная, потому что фотографировалась у любителя. Справа моя сестра, в середине наша соседка, я буду слева, возможно, ещё узнаешь, а?!

Привет твоему другу Петру Алексеевичу. Раз он для тебя друг, то для меня пусть будет хорошим товарищем.

Будь здоров. С приветом, Фаня.

Из Сенцовской, 24 сентября 1943 г.

Здравствуй, Яша!

Яшенька, я что-то давненько не получаю от тебя никаких известий. В чем дело? А я начинаю беспокоиться о тебе. Последнее письмо я получила твоё 28 июля 43 г., потом получила книжку 15 августа и больше ни слова. Возможно, объяснишь причину твоего молчания.

Я живу хорошо, работаю пока еще на полевых работах в своем колхозе. Дома нахожусь почти всё время одна. Мама работает в лесу, домой приходит только в неделю раз, сестренка уехала в Архангельск учиться в пединститут, папа работает бригадиром в соседней деревне, домой приходит тоже изредка. Так что я хозяйничаю одна с маленьким братишкой. В основном жизнь течет по-старому у меня. Все удовольствия и развлечения приходится находить только в работе. В настоящее время закончили зерноуборочную, копаем картошку и убираем огороды. Погода стоит теплая и сухая. В общем, дела идут блестяще, причем и погода способствует хорошим результатам.

Яша, как ты провел отпуск? Насколько мне помнится, ты собирался в конце августа получить отпуск. Даже обещал по возможности заехать ко мне. Я так ждала, ждала. Но, увы! Вот уже конец сентября, а о тебе ничего не слышать. Я, конечно, понимаю, что не всегда бывают возможности, но...

Вот, пожалуй, и всё, жду с нетерпением ответа. Будь здоров. С приветом, Фаня.

Из Сенцовской, 30 октября 1943 г.

Здравствуй, Яша!

Яша, вот уже четвертый месяц, как я не получаю от тебя ни одного слова. В чём дело? Неужели нет ни одной минуты свободной для того, чтобы написать мне пару слов. Ты извини меня, что я тебя беспокою своим письмом; понимаешь, я уже посылаю третье, и ни на одно нет ответа. Хотя бы они вернулись обратно ко мне, тогда бы я знала, что с тобой что-то

случилось. А в настоящее время я даже не знаю, что с тобой. Я так беспокоюсь о тебе! Конечно, если на твое молчание есть уважительная причина, это простительно. Но если неуважительная причина, то это довольно неприлично. Неужели я заслужила от тебя за эти три года вот это молчание. А мне бы очень хотелось получить ответ от тебя любого содержания, я тогда буду знать определенно. Не бойся, я не брошу по твоему адресу ни одного упрека. Но я хочу знать только о тебе правду и больше ничего. И поэтому очень и очень прошу тебя – напиши мне. Всего хорошего желаю. Будь здоров. С приветом, Фаня.

Из Сенцовской, 13 ноября 1943 г.

Здравствуй, Яша!

Я сегодня получила от тебя долгожданное письмо. Поверь, как я была рада за тебя, что ты жив и здоров. Мне даже не верится, что это пишешь ты. Я несколько раз подряд прочитала письмо. Возможно, это странно, но я почему-то всегда получаю твои письма с радостью. Вероятно, правда это: «Привычка свыше нам дана, замена счастья нам она».

Писем я от тебя не получала с 28 июля 1943 г. Не смею спорить, возможно, в пути письма потерпели аварию. На днях получила твою открытку, датированную 2 апреля 43 г.

Текст открытки дышал весной, а сейчас почти зима. Но в настоящее время это всё неважно, раз передо мной лежит твое письмо, датированное 6 ноября 43 г. И я совершенно спокойна за тебя. Очень сожалею, что ты не приехал ко мне. Я всё лето тебя ждала. Неужели вся причина в моём молчании? Насколько помню, я тебя приглашала неоднократно и не в одном письме. Даже путь следования подробно описывала. Знаешь, даже немножко обидно, что опять осталась виновата я. Вот этого я как раз не ожидала.

Теперь несколько слов о причине молчания. Яша, я совершенно никогда не думаю и не хочу думать о тебе что-нибудь плохое по отношению ко мне. Но мне кажется, что те причины, которые я предъявила тебе, в настоящее время будут более объективны всех остальных. В мельчайшие подробности твоей жизни я не хочу входить и считаю это совершенно излишним. Каждый человек живет своими личными интересами и глупо проходить мимо природных дарований. Без этого жизнь будет совсем скучна и неинтересна. Очень благодарна тебе за такие честные признания. Вот теперь я верю, что ты действительно для меня друг.

Яша, ты на меня не обижайся за резкий тон моих писем. Это вызывается только скукой и беспокойством за твою жизнь. Теперь несколько слов о себе. Живу я по-старому без особых изменений. Работаю тоже на старом месте. Живу хорошо. Увлекаюсь иногда вечерами, иногда мальчиками, а больше всего кино, это главное для меня развлечение в настоящее время. Праздник провела очень хорошо и весело. Шестого ноября ходила в клуб, седьмого была на демонстрации, а вечером на колхозном празднике. Праздник был весёлый, целый вечер была

музыка. Было два патефона и большое количество пластинок, вдобавок ещё струнные инструменты были и угощение. Восьмого ходила на свадьбу, женился мой школьный товарищ. В общем, очень довольна осталась праздником. На днях получила письма из Ленинграда. Пишут подруги, что живут не очень важно и не советуют мне сожалеть о своей эвакуации.

Да, совсем забыла. 22 октября 1943 года был день моего рождения. Исполнилось уже 24 года, отметила этот день очень хорошо. Если весь год так проживу, то почти буду счастлива. Вот, пожалуй, и всё. Будь здоров. С приветом, Фаня.

Крепко целую, только вряд ли ощутимо на такое близкое расстояние. Пиши, буду ждать с нетерпением.

Из Сенцовской, 17 декабря 1943 г.

Здравствуй, Яша!

Сообщаю тебе, что письмо твоё получила сегодня. Очень благодарна тебе за память обо мне. Правда, письма твои за последнее время стали слишком скромны. Но зато теплые и приветливые. Конечно, хотелось бы от тебя услышать более подробно о твоей жизни. Ведь твоя жизнь очень богата разнообразием. Что же, раз ты ограничиваешься несколькими словами о своей жизни, и за это спасибо. Охотно верю, все, что думаешь, писать невозможно.

Ну, будем надеяться на скорую встречу. Желательно бы встречу не такую, как в Ленинграде, но ведь трудно судить о будущем. А в частности 40 г., то, пожалуй, я права. Знаешь, Яша, за этот период времени с 40 г. я очень изменилась. И взгляды на жизнь у меня стали совсем иные. Думаю, и ты тоже изменился изрядно. Мне кажется, если бы я в 40 г. дала согласие, то в настоящее время мне стало бы труднее переживать. Не знаю, возможно, я ошибаюсь, но мне кажется только так. Я об этом почти не сожалею. Мне чаще всего вспоминается последняя встреча в Ленинграде. Все же как тогда получилось нехорошо. В общем, ладно о прошлом, нечего жалеть, оно все равно не вернется. Постараемся лучше в будущем не допускать таких встреч, если нам суждено встретиться.

Теперь несколько слов о своей жизни. Живу я всё по-старому, почти изо дня в день хожу по заветной тропе в своё царство гуманности. Разнообразием моя жизнь не блещет. Словом, не живу, а существую. О мечтах и думах – что же писать о них. Фантазией побываешь везде и всюду, а действительность остается по-прежнему. Но чаще всего я мечтаю о встрече с тобой. Представь, как это должно быть интересно за такой период разлуки и стольких переживаний. Мне кажется, что без конца можно рассказывать друг другу о своей жизни, да и интересно, насколько мы изменились за этот период. Пусть даже встреча будет без серьезных последствий, и то всё же интересно – правда?

Теперь, Яша, у меня есть к тебе просьба. Конечно, если это только возможно для тебя. Мне очень хочется посмотреть на тебя. Вышли мне свою фотографию, желательно бы – открыткой, если только тебе не будет ни малейшей трудности. Потом, Яша, помнишь, ты обещал мне выслать перевод той книжки, которую ты мне прислал. Мне очень, очень интересно прочесть её самой, но, к сожалению, я этого не в силах. Надеюсь, удовлетворишь мою просьбу по возможности.

Ну, что же еще написать. Да, я совсем забыла спросить твоего совета. Я собираюсь поехать работать в освобожденные районы. В настоящее время у нас здесь идет вербовка. Часть – по желанию. А некоторых – по мобилизации. Правда, я живу хорошо, но из-за некоторых обстоятельств хотелось бы уехать. Итак, жду твоего совета. Надеюсь, ты мне посоветуешь как другу более правильно и откровенно. Родители мои категорически против моей поездки, даже и слышать о ней не хотят. Вот, пожалуй, и всё. Вместе с этим письмом высылаю платочек в отдельном конверте. Прими от меня этот скромный подарочек – единственное, что возможно в настоящее время. Хотя он и не очень художественно отделан, но уж как смогла. Пусть он чаще напоминает тебе обо мне. На этом кончаю, всего хорошего тебе желаю. Будь здоров. С приветом Фаня.

Не в мирной беседе
Друзья познаются,
Друзья познаются судьбой.
Коль горе придет и слезы польются,
Тот друг, кто вместе заплачет с тобой.

Из Сенцовской (без даты – Ю. Д.)

Здравствуй. Яша!

Яша, ты извини меня, что я еще раз тебя беспокою. Хотя я и так слишком унижаюсь перед тобой. Но этот раз будет последним. Я знаю, что ты считаешь меня недостойной себя, но я с этим в корне не согласна. Мы слишком мало знаем друг друга. Я уже давно поняла, что нас с тобой разлучила война, конечно, в этом ты не виноват. Суровая жизнь понемногу заставляет забывать всё прошлое и подчиняет настоящему. Я верю и верила, что ты любил меня раньше, но это всё постепенно затмилось настоящим. Возможно, ты иногда и вспоминаешь обо мне, но все эти воспоминания рассеиваются моментально перед действительностью. Ты, Яша, не подумай, что я ревную тебя. Совсем нет, ревность я считаю за оскорбление. А оскорблять тебя я совсем не хочу. Я лишь это поняла из твоих писем. Если взять все твои письма с середины 1943 года, они все писаны нерегулярно, и всё, что ты мне обещал, нико-

гда не исполнял. Получалось так: сегодня ты обещал, а назавтра об этом совсем забывал. Потом те причины, которыми ты объяснял своё долгое молчание, были совсем не обосновательны и совсем не внушали доверия. И когда прочитаешь все твои письма, сделаешь сравнение с прошлым, становится смешно. Особенно даже обидно за причину твоего молчания в твоём последнем письме и за телеграмму. Знаешь, Яша, эта телеграмма звучит как насмешка. Я никогда не ожидала от тебя этого. Ты всегда так логично подходил к вопросам. А тут как спасовал. Я не верю, что ты не знаешь, что в настоящее время на выезд нужен пропуск. А его не так легко достать, как ты пишешь. Вот на каких причинах я базируюсь, что между нами легла пропасть. Правда, все твои письма, писанные мне, составлены очень хорошо, приветливые и многообещающие, но я в них больше не верю. И всё это приветливое, теплое содержание твоих писем я отношу к твоей профессии. Не так ли? Я, конечно, понимаю, что у тебя слишком мало свободного времени, но раз в месяц уделить мне полчаса по-моему можно. Правда! И вот, несмотря на тонну перепорченной бумаги, на нашу с тобой бумажную волокиту, результат получился обидный. Потом ты пишешь насчет какой-то квартиры, не понимаю. Причем тут она. Или ты решил понемногу устраивать семейную жизнь? Так мне кажется, что слишком рано думать об этом. И совсем не подходящее время для этого. Трудно судить, проживем ли все благополучно до спокойной жизни.

Яша, возможно бы я никогда об этом тебе не писала, просто – промолчала. Но я привыкла правде смотреть в глаза. Да ещё под действием такого прекрасного сегодняшнего вечера. Нахожусь в родной деревне, в родном доме, но чужда по воспитанию для родителей. Сажу одна у открытого окна. Вспомнила о тебе и о 1940 годе, решила ещё раз поделиться с тобой о своих душевных переживаниях. Возможно, если бы я была в настоящее время в той среде жизни, в которой я провела свою юность, вероятно, меньше надоедала тебе своими докучливыми письмами. Ибо я знаю, что подчас для тебя мои письма кажутся смешными. Не правда ли? Но как бы там ни было, я не прошу объяснений – для меня безразлично. Но я тебе пишу честно и откровенно как другу. Сколько я посылала тебе внеочередных писем! Как ты думаешь, о чем все это говорит? Неужели ты думаешь, я не нашла бы развлечения от скуки кроме этой бумажной волокиты? Яша, я ничего больше не хочу от тебя и ни в чем тебя не обвиняю. Я просто решила не думать больше о настоящем, тем более о будущем, а отдаться в руки судьбе и плыть по течению жизни без сопротивления. Потому что когда думаешь об одном, а получается всё иначе. Теперь у меня остается еще одно стремление. Это поездка в Ленинград. Если это не удастся в скором будущем, то придется переменить здесь работу и обосновываться на продолжительное время. Вот, пожалуй, и всё. Всего хорошего тебе желаю. Будь здоров. С приветом, Фаня.

Из Сенцовской (без даты – Ю.Д.)

Здравствуй, милый Яша!

Яша, я сегодня получила от тебя долгожданное письмо. Была бесконечно рада, что, наконец, ты вспомнил обо мне. Я очень беспокоилась о тебе. Почему так долго не было от тебя писем? Да еще вдобавок вернулось мне письмо обратно, которое я посылала на часть, в которой ты находился. Мне так было неприятно, я думала без конца о тебе. И всё почему-то вкрадывались в голову нехорошие мысли. И вот представь себе, как мне было приятно получить письмо, которое я так ждала. Очень благодарна тебе за письмо и фото. Судя по фото, ты выглядишь очень хорошо. Я, признаться, гораздо иначе тебя представляла. К сожалению, в свою очередь я не могу тебе выслать своё фото, хотя мне и очень хотелось бы выслать. Ты хотя бы вспомнил все наши встречи и более ясно представлял себе мой образ. Конечно, если это тебя интересует. Но, увы! Фотограф от нас находится в 60 километрах в другом районе. Правда, на днях он приезжал сюда, фотографировал, но очень мало надежды на получение фото. Он уже приезжает не впервые и привозит половину заказов, остальные портит. Если будет возможность, обязательно вышлю. Ты, наверно, уже совсем забыл меня. Ведь от нашей встречи и прощанья прошло немало времени – встретимся ли только?

Я, конечно, очень изменилась. Постарела, пополнела, да и морально сильно изменилась, совершенно другими глазами смотрю на жизнь. Вот за этот период войны я много узнала жизни. Я раньше никогда не представляла себе, что жизнь так коварна и зла. В настоящее время я живу хорошо, беря во внимание такое трудное время. Работаю всё еще в больнице. Дома всё благополучно. Чувствую себя хорошо. Немного болела: подготавливалась к кроссу и по своей неосторожности немного простудилась, беспокоили бронхи. Но сейчас всё уже прошло. Свободного времени очень мало, приходится много работать по хозяйству дома. Как всегда очень скучаю, всё еще вспоминаю город, друзей, знакомых. Потому что здесь вся жизнь деревенская однообразна и скучна. Иногда хожу в кино. Часто драмкружок ставит спектакли, довольно неплохо. Часто получаю письма из Архангельска и Ленинграда. Очень жаль Ленинграда, что еще до сих пор ему приходится переживать ужасы, разрушения. Такой красивый город, и весь разрушили. Яша, я тебе, наверно, наскучила со своим Ленинградом, признайся по совести. Ну ладно, о нем молчу. Яша, где сейчас находится твоя мамаша? Отсюда очень много уезжает эвакуированных обратно в Карелию. Сюда приезжал вербовать представитель из Карелии. Они уезжают отсюда с большой радостью, так как здесь им жи-

лось не очень хорошо. Наш район не блещет изобилием продуктов питания. Им приходилось, бедным, здесь очень трудно.

Ну, что же ещё написать? Я так рада письму, что не знаю, что писать, все мысли перепутались. Пожалуй, на этом закончу, а то очень много напишу глупостей.

Будь здоров. Всего хорошего. С приветом, Фаина.

Из Сенцовской, 10 января 1944 г.

Здравствуй, Яша!

Спешу сообщить тебе, что письмо твоё получила, за что большое спасибо. Яша, я очень довольна, что ты начинаешь со мной делиться душевными переживаниями.

Я твоё письмо прочитала несколько раз подряд; чем больше я читала, тем сильнее мне хочется встречи с тобой, чтоб лично доказать отношения между нами. Я с нетерпением жду твоего фото. Правда, письмо твоё меня немного удивило своим содержанием. Я никогда ещё за весь период нашей дружбы с тобой не получала от тебя писем с такими подробностями твоих моральных переживаний. Я даже не знаю, как тебя благодарить – твои письма для меня всегда являются источником радости. Не могу объяснить, почему: привычка или что-то другое. Но знаешь. Яша, когда от тебя нет долго писем, я всегда чертовски скучаю. В свою очередь очень рада, что для тебя мои письма являются приятностью, а не простой бумажкой. Мне кажется, что наша дружба не теряет привязанности друг к другу и, наоборот, еще сильнее связывает. Так и хочется сказать: «О, память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной. И часто сладостью своей меня в краю пленяешь дальнем».

Или, может быть, нас тесней связывает война и вместе с ней все трудности жизни, как ты думаешь? Яша, я довольна за тебя, что ты окружен преданными друзьями, которые помогают тебе во всех трудностях жизни. Мне жаль, что я не могу быть с тобой и делить все трудности жизни, как твои друзья. Возможно, когда-нибудь ты познакомишь меня со своими друзьями и введешь в круг их интересов – хорошо?

Очень сочувствую тебе об утере сестренки. Конечно, жаль, что не смогла вынести всех трудностей войны, но что же сделаешь? Яша, ты уж очень-то не расстраивайся, побереги свои нервы, они еще тебе пригодятся для будущего. Плохо, что не очень хорошо собирался встретить Новый год, возможно, встретил лучше, чем ожидал, а? Я, признаться, совсем не встречала. Всё как-то у меня получилось нехорошо. Я разнервничалась и легла спать в девять часов вечера. И конечно, когда мой Яша вспоминал свою Фанечку, то она уже спала крепким, крепким сном, не думала, что где-то далеко вспоминают о ней в этот час. Бокалы вина я уже не помню, когда поднимала в честь какого-нибудь торжества, потому что здесь в настоящее время вино является редкостью. Если и привозят, то до нас не доходит. Да и в

настоящее время здесь слишком мало обращают внимания на праздники. Правда, раньше здесь тоже было весело. А теперь всё это отошло временно в область предания. Теперь насчет поездки: поездка пока оставлена до удобного случая. Во-первых, заболел папа, а во-вторых, мой дядя из Ленинграда пишет, чтоб пока я пожила дома, а потом он постарается помочь мне вернуться в Ленинград. Но всё это не очень меня успокаивает, и при первой возможности я постараюсь вырваться отсюда. Я боюсь, если я надолго останусь здесь, то искалечу всю себе жизнь, и ты тогда действительно потеряешь меня навсегда.

Вот, пожалуй, и всё. О себе могу сказать, что живу хорошо, без изменений, с бодрым весёлым настроением и довольно хорошим здоровьем. Да, Яша, сегодня я получила от тебя поздравительную телеграмму. Спасибо, что не забываешь меня. Правда, немного поздновато, но ничего, лучше поздно, чем никогда.

Всего хорошего тебе желаю. Будь здоров. С приветом, Фаня.

Из Сенцовской, 15 февраля 1944 г.

Здравствуй, Яша!

Сообщаю тебе, что письмо с фото получила, за что очень благодарна и довольна тобой за фото и письмо. Смотрю на твоё фото: ты изменился, постарел и похудел, но фото иногда резко расходится с оригиналом, да и условия жизни в настоящее время не располагают на молодость и спокойствие, тем более ты такой трудолюбивый и беспокойный. Яша, мне очень приятно слышать от тебя такие открытые признания о лете 40-го года. Я рада, что у тебя остались хорошие и приятные воспоминания обо мне. Я о тебе тоже вспоминаю всегда как о хорошем простом друге и часто сожалею, что тогда слишком мало были вместе. Ты совершенно правильно подметил, я действительно тогда не имела к тебе тех чувств, которыми обладал ты. Всё же твой инстинкт подсказывает тебе правду. Но не буду отрицать, мне было приятно проводить с тобой время. Яша, если ты тогда был действительно счастлив, тогда нужно стремиться, чтоб вернуть его обратно, хорошо? Ты пишешь, что будешь просить отпуск для литературной работы. Хорошо, если б ты уделил мне несколько дней и приехал ко мне, хотя это и не относится к твоей литературе. Я охотно верю, что тебе поднадоели эти беспокойные разъезды, но все же очень и очень желательна встреча с тобой. Возможно, эта поездка не отразится на твоей литературе отрицательно, а заговорит более чувствительным языком. Родители у меня простые и довольно гостеприимные, всегда рады принять друзей и знакомых. Мне кажется, что не придется тебе сожалеть о потерянном времени. Посмотришь, как я живу и в каких условиях, тогда действительно поверишь моей скуке.

О своей работе я даже не знаю, что тебе писать. Моя работа совсем не интересная и не ценная, а особенно здесь. Очень часто приходится работать на разных хозяйственных рабо-

тах. Недавно приехала с лесозаготовок, где была 15 дней. Да ничего интересного нет как в моей работе, так и в жизни. Особенно больше всего мне надоела эта зима. Мне кажется, что она тянется целую вечность. Вот почему я так стремлюсь вырваться отсюда, хотя я знаю, что мне труднее будет жить одной в настоящее время. Зато я не буду видеть и слышать здешних дрызг. Насчет поездки пока еще ничего определенного не слышно. Жду письма из Ленинграда, обещали подробно всё написать. Здоровье папаши в плачевном состоянии, потому что он совершенно не придерживается советов врачей, и вряд ли ему может помочь хирургическое вмешательство. Болезнь у него хроническая уже несколько лет, и ему нужно было хоть немного, а придерживаться медицины. Но знаешь, Яша, слишком трудно убедить людей в чем-либо современном, когда люди привыкли жить еще по привычкам прадедов. Собирается поехать на более точное определение болезни. Нужно ехать в Архангельск или в Вельск, только надо достать лекарство «барий», при помощи которого ему сделают рентген, а достать «барий» здесь в настоящее время слишком трудно.

Всего хорошего тебе желаю, будь здоров и бодр. Надеюсь получить ответ в скором времени. С приветом, твоя Фаина.

Из Сенцовской, 11 апреля 1944 г.

Здравствуй, Яша!

Яша, почему так долго ты молчишь? В чем дело? Последнее твоё письмо я получила восьмого февраля и сразу же ответила. Странно, почему же так стало получаться за последний год? Такие длительные перерывы между письмами. И всё, что ты мне обещаешь, никогда не выполняешь. Яша, я очень прошу тебя, если это моё письмо получишь, ответь сразу. Я всё же очень беспокоюсь о тебе.

Я живу всё по-старому без изменений. Вот и всё. Жду ответа. С приветом, Фаня.

Если это письмо не попадет на имя адресата, убедительно прошу того, кто будет читать это письмо, ответить мне, где находится Яков Васильевич.

Из Сенцовской, 24 апреля 1944 г.

Здравствуй, Яша!

Яша, сегодня получила от тебя долгожданное письмо и спешу ответить. Мне стал вполне ясен текст телеграммы. Спасибо, мой дорогой, что не забываешь меня. Я очень и очень хотела бы приехать к тебе. Но для этого одних желаний мало, слишком много ещё преград. Сейчас только что ходила в НКВД узнать насчет пропуска в Беломорск. Там мне сказали: для того, чтобы получить пропуск, нужно разрешение наркомата КФССР или горсовета г. Беломорска. Приеду, если ты вышлешь мне разрешение. Но мне кажется, что это будет для

тебя много хлопот. Но я в этом мало разбираюсь. Возможно, тебе легче самому приехать ко мне. Яша, я только очень прошу тебя, пиши мне чаще. Пусть будет хоть несколько слов о себе, мне и то будет веселей. А то здесь такая скука. Между прочим, я начинаю хлопотать о возврате в Ленинград, но пока ещё всё безрезультатно. Но я твердо решила, что проживу здесь только до осени, а осенью куда-нибудь уеду. Больше я здесь оставаться не могу, иначе я сойду с ума здесь. О себе могу сказать, что живу ничего. Папаша совсем заболел, уже не работает четыре месяца. Да и на улучшение здоровья никаких результатов нет. Вот, пожалуйста, и всё. Будь здоров. С приветом, Фаня.

Из Сенцовской, 16 августа 1944 г.

Здравствуй. Яша!

Сообщаю тебе, что получила сегодня твоё четвертое письмо. Спасибо, что не забываешь. Причина моего долгого молчания была лишь только такая: я хотела, чтоб ты испытал на себе, как приятно получать письма, когда ты их ждешь, а получаешь в три месяца раз. Вот так же и мне было приятно получать от тебя в три месяца одно письмо. Счастье, которое я нашла здесь на севере, я не пожелаю и моему врагу. Знакомые есть, не отрицаю, но трудно судить сейчас, будут ли в дальнейшем друзьями. Живу всё еще по-старому у родителей. Планов никаких больше не составляю, а живу одной только мечтой о Ленинграде, и больше ничего. Разрешение на выезд в Ленинград получила, в трест пригородного сельского хозяйства. Теперь нужен только пропуск от нашей области. И, по всей вероятности, зимой уеду. Сейчас ещё не спешу, ибо в Ленинград надо в настоящее время ехать с деньгами, а с моим капиталом надо еще сидеть за печной трубой и не выглядывать. Потому что на руки я в месяц получаю всего 140 рублей. Поэтому мои шансы поют романсы. В основном живу ничего. Больше всего работаю на полевых работах с утра и до вечера. Свободного времени почти совсем нет. Яша, очень жаль, что мы с тобой мало знаем друг друга, вот поэтому и не уверены друг в друге. Но знаешь, Яша, если бы ты знал всю мою жизнь и мои душевные переживания, ты бы не писал мне с такой иронией. Ведь мне осенью будет уже 25 лет, а я выгляжу лет на 30. Так постарела и похудела, что если бы ты меня встретил где-нибудь случайно, то, наверно, не узнал. Правда, родители у меня молодые, но больные. Папа уже давно не работает в колхозе, мама тоже часто болеет. Поэтому мне приходится больше работать, чтоб хоть немного поддержать хозяйство. Но тебе такие вещи не очень интересны, не правда ли?

Из Сенцовской, 7 сентября 1944 г.

Здравствуй, Яша!

Сегодня получила твоё письмо, датированное 22 августа, и спешу сразу ответить. Большая благодарность тебе, мой милый, что не забываешь меня. Когда я получила сегодня твоё письмо, то была так рада, что даже не хватает слов выразить своей радости. Моё письмо ты, наверно уже получил, правда? А почему я так долго тебе не писала, то лишь только по той причине, которую я указывала в предыдущем письме, больше нипочему. Ты уж извини меня, пожалуйста, за мою настойчивость. Яша, как ни странно, но мне бы очень хотелось получить от тебя хотя бы одно письмо с грубым и суровым содержанием. Ведь за весь период нашей с тобой дружбы я ни одного не получала от тебя сурового письма. Интересно бы посмотреть, как ты сердишься. Вот у меня, например, это бывает очень часто. Проще говоря, с руки разделка. А ты в свою очередь выдержишь характер. Но, в общем, об этом хватит. Напрасно ты думаешь, что Фанечка забыла тебя. Нет, Яша, где бы я ни была, куда бы судьба меня не забросила, а в душе моей остаешься ты и только ты, я сама не знаю, почему. Иногда раздумуюсь и удивляюсь, ведь ничего нет общего у нас с тобой. Жизненные наши дороги с тобой расходятся слишком резко, почти совсем противоположно. Кажется, давным-давно пора бы забыть друг друга. А вот почему-то – нет, не забывается. Вероятно, привычка, правда? («Привычка свыше нам дана, замена счастья нам она»).

Яша, это очень хорошо, что ты твердо решился отдаться литературе. Жизнь с определенной целью и стремлением будет иметь наслаждение и спокойствие, увлечение, тем более у тебя есть желание посвятить всю жизнь литературе. Ты, наверно, уже за период Отечественной войны изучил всю Карелию в своих беспрестанных командировках.

Теперь несколько слов о себе. Живу всё по-старому, хорошо работаю в колхозе. С работы отпустили работать в колхоз на период зерноуборочной. Погода стоит не очень важная – лето в этом году здесь было холодное. Хлеб поспел ещё не весь. Да, в общем, в моей жизни нет ничего интересного, одна только работа и больше ничего. Вчера получила письмо из Ленинграда от подруги, пишет, что живет очень хорошо. Жизнь в городе совсем стала нормальная. Из продуктов и промтоваров всё есть, только всё очень дорого. Она мне советует приехать как можно скорей. Я в свою очередь подала заявление в Архангельск, чтоб мне дали разрешение на получение пропуска в Ленинград. По всей вероятности, к зиме постараюсь уехать в Ленинград. В основном жизнь течет у меня бесцельная. Единственное моё стремление – это поездка в город, а чем там буду заниматься, об этом, пожалуй, совсем не думаю. Вот, пожалуй, и всё. Всего хорошего тебе желаю. Будь здоров. С приветом Фаня.

Целовать тебя не буду, ибо слишком далеки друг от друга, поэтому и мои поцелуи для тебя будут неосязаемыми.

Из Ровдино, 5 октября 1944 г.

Привет из Ровдино!

Яша, с горячим приветом и наилучшими пожеланиями в твоей жизни шлет тебе Фаина. Яша, сообщаю тебе, что письмо твоё получила 2 октября 44 г., которое ждала с нетерпением. Я очень, очень благодарна тебе за него. Да, Яша, я действительно стала грубая и недоверчивая, ибо, проживя в такой среде и в такой обстановке, то, конечно, ничего хорошего и полезного не приобретешь для своей нравственности, кроме грубости. А на тебя я сердилась именно за то, что не знала причин твоего молчания. Но как бы то ни было, а в душе я тебе никогда плохого не желала и не желаю. Но поверь, возможно, это странно и глупо, а я всегда начинаю беспокоиться, когда от тебя нет долгое время писем. Настроение у меня сразу меняется, начинают каждые мелочи раздражать и получается такое впечатление, как будто я утратила то, что необходимо для моего существования. Как только получаю твое письмо, для меня этот день становится радостным. Я читаю и перечитываю твое письмо несколько раз подряд. И потом несколько дней нахожусь под впечатлением твоего письма. Мне очень хочется увидеть тебя хоть на несколько минут. Я согласна приехать к тебе в Петрозаводск, но для этого нужен вызов из Петрозаводска, на основании которого выдает мне наша область разрешение на получение пропуска. Только так, а от меня ничего не зависит. Вот если ты сможешь достать вызов, тогда можно будет говорить и надеяться на встречу. Но в отношении какой-то должности для меня, то я не понимаю, чем ты обязан мне. За то, разве, что я за твою дружбу ко мне плачу тебе грубостью, не правда ли, как это мило с моей стороны. Я совсем не считаю, что чем-то ты обязан мне. Совсем нет. Я просто тебе написала в предыдущем письме как другу о причине, которая задерживает меня здесь еще на некоторое время. Вот и все. Ты просто не совсем понял меня. Яша, а возможно тебе самому побывать у меня, это тоже было бы неплохо. Что ты на это скажешь, а? Ты тогда бы сам посмотрел на мою жизнь и убедился бы лично в правдивости моих писем и скуке.

В основном я живу по-старому. Работаю на полевых работах, несколько дней была на сплаве. Погода стоит не особо теплая, а поэтому водные ванны не весьма благоприятно отражаются на здоровье. Но пока еще ничего, чувствую себя прекрасно. Пропуска в Ленинград запретили выдавать до 1945 года. По-видимому мне придется эту зиму жить еще здесь, правда, не хотелось бы, но придется.

Всего хорошего тебе желаю. Будь здоров. С приветом, Фаня.

Яша, моё имя по паспорту не Фаина, а Афанасья.

Вероятно, придется устроиться на курсы трактористов, что тоже нежелательно, но жить так, как я жила до сих пор, больше невозможно. Вот, пожалуй, и всё. Постарайся ответить мне на это письмо побыстрее.

Из Сенцовской, 11 декабря 1944 г.

Яша, вот уже около трех месяцев, как я не получаю от тебя ни одного письма. В чем дело? Хотя я и не обещала тебе напоминать о себе, но знаешь, Яша, я же очень беспокоюсь о тебе. Мне кажется, что ты молчишь так долго потому, что нет возможности написать, правда?! Или что-нибудь случилось с тобой серьезное, иначе ты написал бы мне, не правда ли? Я не допускаю такой мысли, что наша встреча 1941 г. была последней. Надеюсь, что на это письмо я получу ответ, какой бы ни был, все равно я буду знать тогда определенно. Я живу все по-старому, работаю все еще в больнице сестрой-хозяйкой. Признаться, все это мне уже чертовски надоело. Очень много приходится портить нервов. Везде и всюду нужно экономить, рассчитывать. Одни только неприятности и больше ничего. Домашняя обстановка тоже не весьма приятная – везде и всюду царит болезнь. Ты, надеюсь, понимаешь меня, о чем идет речь. Вся эта здешняя обстановка мне очень надоела, но когда вырвусь отсюда, трудно сказать. Письма из Ленинграда получаю от подруг, пишут, что живут тоже неважно в материальном положении, но зато весело. Мне советуют не ездить, подождать окончания войны. Не знаю, хватит или нет у меня терпения ждать. Вот, пожалуй, и все, хотя очень хотелось бы поделиться с тобой душевными переживаниями, но, возможно, уже все это будет лишнее. Поэтому лучше молчать.

Яша, жду от тебя весточки с нетерпением. Всего хорошего тебе желаю. Будь здоров. С приветом, Фаня.

Яша, ты, возможно, обиделся на меня, так напрасно. Я тебе желала и желаю всегда только хорошего и приятного на твоём жизненном пути.

Из Сенцовской, 30 декабря 1944 г.

Яша!

Получила твоё письмо, спасибо за такое приятное поздравление. Ты пишешь, что, возможно, ты и не должен написать мне о своей перемене. Нет, наоборот, ты обязан сообщить мне об этом, даже надо было раньше, а не через месяц. Я совсем не считаю тебя изменником и не презираю тебя. Для меня ты останешься навсегда тем Яшей, каким я помню тебя в 1941 году в последнюю нашу встречу. И то, что ты ушел от меня, я не обиделась на это, – значит не судьба. Но мне до слез обидно, что ты лгал мне весь этот год. Помнишь, я писала тебе неоднократно, что я начинаю не верить тебе, но ты же всегда сердился на эти вопросы, а ведь все это была правда. Твое сообщение меня не очень удивило, ибо я ждала этого от тебя уже давно. И напрасно ты пишешь, что в некоторых отношениях виноваты я и 1940-й год. Это совсем неправда. При желании было много возможностей и после 40-го года. А давай откровенно скажи, что я совсем не подходящий для тебя человек, потому что наши с тобой

жизненные дороги слишком резко расходятся, о чем я тоже тебе неоднократно писала. Но ты не признавал этого, или просто не хотел серьезно думать об этом, а надеялся на случайность. Я в свою очередь верила тебе и ждала тебя. Если бы не ты, то я еще в 1942 году имела возможность устроить неплохо свою жизнь. Твой поступок просто нечестный не в том, что ты ушел, а в том, что ты лгал мне. Конечно, я человек мизерный по сравнению с тобой, но, к моему несчастью, я, так же как и ты, обладаю сердцем и чувствами и тоже хочу устроить себе жизнь счастливую и радостную. А поэтому и не надо было заниматься нам с тобой бумажной волокитой, ибо она столь же прочна и надежна, как древесная бумага. Правда: «Не в мирной беседе друзья познаются, друзья познаются в беде. Коль горе придет и слезы польются, тот друг, кто вместе заплачет с тобой». Значит, мы были с тобой только бумажными друзьями, не правда ли? А все же обидно, что мой друг Яша оказался только на бумаге. Ну что же сделаешь, в жизни бывает всякое. Охотно верю, что пора уже вить свое гнездышко. Так разреши поздравить тебя с законным браком и пожелать от всего сердца и души счастливой, дружной семейной жизни и хорошего здоровья. Яша, не подумай, пожалуйста, что всё это я пишу тебе только из вежливости, совсем нет. Как всегда для тебя я желаю только счастья и здоровья. А то, что было между нами, забудь навсегда, хорошо?

Из Сенцовской, 18 февраля 1945 г.

Здравствуй, Яша!

Сообщаю тебе, что на днях получила твоё письмо. Спасибо за такое открытие. Вот теперь я действительно верю, что ты настоящий друг. Я несколько раз читала твое письмо подряд, потом снова перечитывала и до сих пор не могу поверить, что это пишет тот Яша, который три года назад краснел от поцелуя. А теперь так спокойно пишет о своей интимной жизни, да еще какой. Я ожидала от всех своих друзей и товарищей таких вещей, но только не от тебя. Для меня ты был всегда гуманным идеалом нравственности. Иногда здесь приходилось говорить о фронтовой жизни всесторонне. Я, конечно, всегда соглашалась с этими вопросами. Но как только касался вопрос тебя, я всегда защищала тебя и готова была применять даже физические силы. Ибо мне казалось, что ты и до сих пор всё тот же, каким я тебя знала. Я понимаю тебя отлично во всем, объяснений больше не надо. Я теперь убедилась, что против природных требований, да причем еще при неуверенной жизни, ни один человек не может владеть собой. Ты очень хорошо сделал, что женился. Ты пошел по более уверенной дороге. Вот за это я тебя очень ценю. И конечно, я никогда не хотела бы терять с тобой дружбы. Мне кажется, что мы с тобой хорошо понимаем друг друга, что встречается очень редко. Но, к сожалению, я должна сказать, что надо прекратить нашу связь навсегда. Потому что мои письма будут нарушать спокойствие твоей жены, а поэтому и твоё счастье, чего я совсем не же-

лаю. Твою жену, если не ошибаюсь, то немного знаю. Они были эвакуированы в наш район, в Верхопуйский сельсовет. Зовут её Вера, ниже среднего роста, миниатюрная, хорошенькая блондинка с волнистыми волосами. Одевается всегда изящно. Большая любительница комнатного порядка, поклонница мод. Остерегайся, как бы она тебя не променяла на моды. Но, возможно, я и ошибаюсь, тогда извини. А если она, то ты неплохую выбрал подругу жизни. Я от всей души желаю вам счастья и здоровья. Я уже на это письмо не хотела тебе отвечать, но решила поставить тебя в известность о причине моего будущего молчания. А к тебе у меня будет просьба. Если у тебя сохранились мои фото, то часть из них верни мне обратно. Об этом, если возможно, я очень, очень прошу.

Вот и всё. Живу я все по-старому. Смирилась с окружающей средой и обстановкой, чувствую себя спокойно, работаю все так же. Свободное время провожу довольно культурно. На душе только одно стремление и желание – это вернуться обратно в город. Тогда я буду совсем довольна и счастлива. Ты не думай, что я презираю тебя, совсем нет. Для меня ты останешься навсегда тем Яшей, которого я знала лично. Вот только теперь я поняла как следует твое послание ко мне еще в 1940 году. «И скучно, и грустно, и некому руку подать», Любить, но кого же? И вечно любить невозможно. Да, это правда.

Всего хорошего тебе желаю, чтоб ты был счастлив всегда. Прощай. С приветом, Фаня.

Из Сенцовской, 15 августа 1945 г.

Здравствуй, Яша! Сообщаю тебе, что открытку твою, посланную из Таллина, я на днях получила, но с ответом немного задержалась ввиду уборочных работ. Спасибо, мой друг, что иногда вспоминаешь обо мне. Хотя я и просила не писать больше мне, а сама по какому-то странному предчувствию жду от тебя весточки. И каждый раз, особенно в последнее время, как я получаю от тебя весточку, в душе моей поднимается рой сердечной боли, но почему, я даже не могу объяснить сама себе. Сожалею ли я о тебе или о прошлом, которое так быстро и безвозвратно прошло, трудно сказать. Я часто думаю о тебе. Иногда мне очень хочется видеть тебя, рассказать тебе о всей моей жизни и переживаниях, посоветоваться. Я знаю, что только ты один поймешь меня правильно. Но я моментально отгоняю все эти мысли по той причине, что я недостойна твоего внимания и дружбы, ведь по сравнению мне становится горько и обидно, что я не смогла получить образования или хотя бы хорошей специальности. Но что же делать, видимо так суждено. В настоящее время я живу хорошо, по-старому, без изменений. Нахожусь с 10 августа в отпуске, работаю частично в колхозе. Работы достаточно, но чувствую себя хорошо, ибо целые дни провожу на воздухе за физической работой. Погода стоит хорошая, солнечная и теплая, настроение хорошее. Заготавливаю сено на зиму для своей коровы, хочу обеспечить родителей на зиму кормами для скота. Возможно, в конце

сентября удастся отсюда уехать в Молдавию. Имею на руках вызов, который выслала мне подруга. Но дело в том, что никак меня не рассчитывает производство. Без замены расчета не дают, а сейчас как раз уборочные работы и желающих поступить на производство очень мало. В Ленинград ехать не решаюсь – боюсь, что там все еще плохо с питанием, чтоб опять снова не заболеть. Да и в Молдавию у меня большие стремления, все же солнце будет разнообразить мою жизнь. Сама жизнь так быстро пройдет, что не успеешь оглянуться, как надо будет уже умирать.

Так, теперь напишу тебе о моем любовном фронте. Бродя здесь среди северных полей и деревушек, я встретила своего школьного товарища – когда-то давным-давно учились с ним в школе первой ступени. В настоящее время он вернулся из армии по ранению, ампутирована левая нога выше колена, ходит при помощи протеза, по специальности бухгалтер и работает у нас в колхозе счетоводом. Отношения между нами очень дружеские, он желает, чтобы я была другом его жизни. Но так как я не хочу здесь в деревне застревать, а потому и все его предложения отклоняю. Зовут его тоже Яковом, но беда в том, что мы иногда не совсем понимаем друг друга, на почве чего у нас с ним часто бывают разногласия. Так что вот, Яша, если мы с ним поженимся, то я всю жизнь буду помнить о тебе. Яша, я все же советую тебе беречь свое здоровье, меньше переутомляться. Ведь утратить здоровье недолго, но вернуть не удастся. А с утерянным здоровьем жизнь будет казаться скучной, длинной и бестолковой. Больше всего береги себя. В отпуск поезжай куда-нибудь в санаторий или в дом отдыха и отдохни как следует, ведь впереди много будет еще трудностей. А поэтому как можно больше береги себя. Да, Яша, интересно, как выглядит Ленинград, я почему-то в последнее время стала вспоминать о Ленинграде очень редко. Совсем, совсем забыла всех друзей и подруг, даже и писем никому не пишу. Все это бумажное страшно надоело.

Теперь, Яша, еще один вопрос к тебе, только очень прошу, ответь мне искренне. Скажи все же, с какими чувствами ты вспоминаешь обо мне и какие причины заставляют тебя писать иногда мне. Или ты мстишь мне за 1940 год, или ты неудачно женился, больше никакой не могу придумать причины. Неужели ты не понимаешь, что твои письма мне уже неприятны и приносят только воспоминания о прошлом, которое я стараюсь как можно скорее забыть. В предыдущих письмах ты писал мне, что ты вполне счастлив. Так вот, я думаю так: если б я имела мужа, я бы жила только ради него и его интересов, старалась бы так устроить жизнь, чтоб ему было хорошо и не скучно со мной, чтоб он чувствовал ежечасно мою заботу о нем. Мне кажется, я бы всё и всех забыла на свете и стала бы стремиться к спокойной, дружной семейной жизни. Я только так представляю семейную жизнь. Возможно, я и ошибаюсь, возможно, действительность будет совсем иной, чем мечтаю, ибо я еще не знаю, не испытала, что представляет семейная жизнь.

Вот, пожалуй, и всё. Извини, если тебе все мои мысли покажутся глупыми, как детский лепет. Но я пишу тебе всё, что думаю в настоящее время. Очень хотелось написать тебе многое, но всё ведь это зря. Возможно, мои письма уже являются теперь для тебя ничтожными и для обсуждения с посторонними. Всего хорошего тебе желаю. Будь здоров. Отвечай, если сочтешь нужным, жду.

Отбили дролю,
Милый, я не спорю,
Значит, милый, ты хорош,
Я тебя не стою.